

Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии

К 200-летию юбилею революции

Межвузовский сборник научных трудов
Чувашский университет. Чебоксары, 1989. 92 с.

Статьи сборника посвящены изучению историографического наследия А. де Токвиля, П.Н.Ардашева, Р.Ю.Виппера. Рассматриваются также проблемы финансовой политики Конвента, сравнительного анализа шотландского и французского Просвещения. Для историков и историографов.

Редакционная коллегия:
к.ист.н., доц. А.П.Данилова (зам. отв. редактора),
д.ист.н., проф. В.Д.Димитриев,
к.ист.н., доц. Ю.Б.Лебедев (отв. редактор),
к.ист.н., доц. С.Б.Семенов,
к.ист.н., доц. В.С.Григорьев

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, Андрей Северин.

ВВЕДЕНИЕ

Празднование 200-летия Великой французской революции — дань памяти великим революционерам прошлого, результаты усилий которых привели к крушению феодального строя во Франции и распространению духа революции по всей Европе. В последние десятилетия активизировались научные, а порою и чисто идеологические споры, касающиеся не только частных вопросов истории революции, но и определения ее места во всемирном процессе смены феодальных порядков капиталистическими, ее роли в деле прогресса человеческой культуры.

Наибольший интерес как в зарубежной, так и в советской историографии вызывают вопросы о степени разрыва и преемственности между старым порядком, господствовавшим во Франции до революции, и новым строем, поиске глубинных связей революционных процессов во Франции с общим развитием Европы XVIII—XIX вв. Не менее важными являются изучение истории решающего, якобинского, этапа революции, стремление уточнить господствовавшие до недавнего времени в советской историографии оценки якобинского блока как революционно-демократической диктатуры народа, роли якобинского террора в дальнейшем развитии революции, приведшей к термидорианскому перевороту.

Можно с удовлетворением констатировать, что советская историография Великой французской революции испытывает в настоящее время подъем, связанный с отказом от ряда догматических оценок революционных событий и роли отдельных личностей в них.

Статьи, включенные в сборник, группируются вокруг выделенных выше актуальных проблем истории Великой французской революции. Это анализ взглядов А. де Токвиля — автора известной книги «Старый порядок и революция» и изучение судьбы этого произведения в русской историографии; поиск взаимовлияния и, в известной мере, противостояния воззрений шотландских и французских просветителей, анализ влияния революционных событий на мировоззрение отдельных личностей и исследование слабоизученных аспектов финансовой политики Конвента.

А. В. Гладышев (Саратов)

К.-А.СЕН-СИМОН НАКАНУНЕ и ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 18 ФРЮКТИДОРА V ГОДА РЕСПУБЛИКИ

Великая французская революция во многом определила взгляды К.-А.Сен-Симона. Революционер 1789 и 1793 гг., якобинец и командир национальных гвардейцев, отрекшийся еще до соответствующего декрета от своего графского титула и принявший «республиканское крещение» под именем Боном, Сен-Симон во времена террора содержится в тюрьме как подозрительный. Выйдя на свободу после термидорианского переворота, один из крупнейших приобретателей земель церкви и эмигрантов, он выступает как верный республиканец и противник роялистской контрреволюции, сохраняет «революционное направление мыслей, до некоторой степени симпатизирующее санкюлотам».¹ С началом режима Директории, созданного на основе Конституции III года, место Бонома постепенно занимает Сен-Симон — буржуазный революционер умеренных взглядов. Он вращается в обществе порой диаметрально противоположных политических деятелей, имеет друзей во всех кругах и связи на высоком правительственном уровне. Основываясь на мемуарах Ларевельера, А.Матьез описывает общество, собиравшееся в салоне лидера Директории Барраса: «Он встречался в своем салоне с самыми прекрасными и модными дамами: мадам Тальен, мадам Богарне, мадам Рекамье, мадам Амелин, мадам Мэйльли, мадам Шаторено, мадам де Сталь... Встречались здесь и бывшие дворяне... кузен Барраса граф Лораге, граф Бернонвиль..., бывал здесь и будущий социалист Сен-Симон, который был очень близок с Баррасом и его кузеном Лораге».² Близость Сен-Симона к Баррасу не следует переоценивать, она носила, очевидно, скорее деловой, нежели приятельский характер: Сен-Симон, как мы ниже увидим, не всегда лестно отзывался о главе Директории, а Баррас в своих мемуарах, выделяющихся непомерно часто встречающимся словом «мадам», так ни разу и не вспомнит о Сен-Симоне. Казалось бы, Сен-Симон находится в добром согласии с буржуазной республикой, с существующей общественно-политической организацией. Но «политика качелей» — колебания Директории то влево, то вправо — очень скоро приносит Сен-Симону неприятности. Взор его обращается к авторитарной республике, стабильной власти.

В августе 1797 г. Сен-Симон появляется в Лилле на англо-французских переговорах. Он хорошо знал главу английской делегации Д.-Г.Малмсбери и его первого секретаря Г.Эллиса, которых встречал в 1796 г. в Париже среди англофильских финансистов, окружавших Перрего.³ Сен-Симон уверяет этих английских дипломатов, что общественное мнение во Франции хочет мира, Англии не следует разрывать переговоры, а, наоборот, набраться терпения и согласовать мир с «разумными условиями». Малмсбери и сам Питт высоко отзывались об информации, полученной от Сен-Симона.⁴ Содержание бесед касалось и чисто внутренних проблем Франции. Сен-Симон проявляет себя как политический критик. «Карно, - говорит он Г.Эллису, — единственный, кто на своем месте... он также единственно способный определить план кампании, но он решительный сторонник мира. Рёбель — неотесанный прокурор и ничего более. Баррас — наиболее развратный из людей. Ларевельер-Лепо имеет несомненно хорошие намерения, но он — смешная смесь слабости и упрямства. Бартелеми — не имеет опыта власти и боится ублажать себя, тогда как другие отогнали все опасения». Под стать директорам и министр внешних сношений. Талейран, по мнению Сен-Симона, «персонаж аморальный и презренный», таланты которого «не так велики, как их представляют: они в точности те, какие вам нужны у министра, служащего такой Директории».⁵

В тот период политическая обстановка во Франции была особенно напряженной. Уже после выборов в жерминале V г. в Совет пятисот и Совет старейшин, в результате которых депутаты-реакционеры в пять-шесть раз превзошли по численности депутатов-республиканцев, возникла опасность для Республики. В оппозицию перешел популярный генерал Пишегрю, ставший председателем Совета пятисот. Советы отменили меры против неприсягнувших священников, допустили родственников эмигрантов к занятию общественных должностей, прекратили продажу имуществ эмигрантов, отняли у Директории финансовые полномочия, подготавливая ее низвержение. В провинции «не было ни одного департамента, где республиканцы, и особенно покупатели национальных имуществ, чувствовали бы себя в безопасности».⁶ Конфликт между Директорией и Советами приобретает все более открытый характер. После того как Бонапарт, захватив бумаги роялистского агента графа д'Антрега, представил Баррасу доказательства измены Пишегрю, Баррас оставляет выжидательную позицию. С одной стороны, войска Гоша пересекли «конституционную грань» вокруг Парижа, а министерские перемены благоприятствовали сторонникам республики. С другой стороны, Советы планировали предать суду республиканских «триумвиров» — Барраса, Ларевельера и Рёбеля, закрыли конституционные клубы, разрешили формирование отборных отрядов национальной гвардии. Конфронтация переходит к концу лета 1797 г. в решающую стадию, вопрос состоит в том, кто кого опередит в приготовлениях.

Сен-Симон характеризует Г.Эллису французское правительство как в целом «бездарное и незначительное» и, не исключая в принципе вероятности контрреволюции и реставрации старой монархии, все же считает, что этого не случится. Он выделяет как бы двух «китов», «гарантов» новой Республики: господство интереса к гражданскому равенству и перемещение большей части земельной собственности в руки новых владельцев.⁷ Такое понимание основ нового строя соответствует именно тем направлениям его деятельности в годы революции, в которых он в наибольшей степени проявил себя.

Конфликт между Директорией и Советами в конце лета 1797 г. мог быть разрешен только вне конституционных рамок. В три часа ночи 4 августа 1797 г. Баррас отдал приказ об аресте колеблющегося Бартелеми и умеренного Карно (последнему, правда, удалось скрыться). Произведена чистка Советов, последовали массовые аресты роялистов, были закрыты роялистские газеты, восстановлены репрессивные меры против эмигрантов и духовенства. Пишегрю и еще шестьдесят четыре человека сосланы в Гвиану. Устанавливается так называемый «террор Директории». «Остракизм» становится модным словом.

«Газетт Насьональ» от 4 сентября 1797 г. обвинила Сен-Симона в том, что его «Заведение» вместе с многочисленным персоналом было только фасадом тайной роялистской организации.⁸ Имелась в виду компания дилижансов, основанная Сен-Симоном в начале 1797 г. 16 сентября газета «Журналь дез ом либр» объявила об аресте «известного маркиза Сен-Симона», намекая на его связи с тайными роялистскими агентами. На следующий день эту информацию перепечатала и «Газетт Насьональ», которая обвинила Сен-Симона в перевозке роялистской корреспонденции.⁹ Основываясь на этих публикациях, М.Понятовский и Ю.Борисов отмечают заключение Сен-Симона под стражу как факт.¹⁰ Но слух об аресте К.-А.Сен-Симона в сентябре 1797 г. был ложным.

19 сентября «Журналь де Пари» напечатала следующие уточнения со стороны Сен-Симона по поводу объявленного ареста: «Если это меня имеют в виду некоторые газеты, то я их предупреждаю, что они ошибаются. 1. Я не был арестован. 2. Я не мог быть арестован за то, что перевозил газеты на дилижансах «Заведения», так как мои дилижансы никогда не перевозили газеты. 3. По своим взглядам и по своей политической деятельности с 1789 г. я не мог быть арестован ни по какой причине; ни по реальной, ни по мнимой. Мне надо опасаться только врагов революции. Во Франции я не знаю ни одного человека, который был бы с ней связан так тесно, как я».¹¹ Хотелось бы обратить особое внимание на последнее рассуждение.

Оно очень похоже на строки из послания Сен-Симона в Комитет всеобщей безопасности, написанного им в Люксембургской тюрьме весной 1794г.: «Не очевидно ли, что мой интерес и само мое существование бесповоротно связаны с поддержанием революции и что, будучи с ранних пор одним из ее наиболее ярких приверженцев, я, может быть, буду одной из первых жертв контрреволюции».¹² Только теперь нападки прессы не так страшны этому близкому к Баррасу человеку, как застенки Люксембургской тюрьмы. Сен-Симон и в 1789, и в 1793, и в 1797 г. был принципиальным сторонником Великой французской революции, но он был сторонником революции в принципе, не принимая порой ее форм и понимая под революцией, в первую очередь, свержение старого режима.

Опровержение Сен-Симона было перепечатано во многих других газетах. Среди прочих орган крайних республиканцев «Журналь дез ом либр» поправляется: «Гражданин Сен-Симон, глава предприятия экипажей... заявил нам, что он не был арестован и не мог быть арестован: ни по поведению, ни по взглядам, связывающим его с Республикой. Из этого следует, что в том, что мы говорили об этом деле, имеется путаница лиц».¹³

Смешение имен тем более вероятно, что в сообщениях об аресте Сен-Симон именуется «маркизом», возможно, газеты спутали графа Клода Анри Сен-Симона с маркизом Клодом Анной Сен-Симоном, его дядей, который эмигрировал из Франции еще летом 1791 г.

С другой стороны, нет достаточных оснований утверждать, что ошибка была случайной. Нельзя исключать вариант с преднамеренным шантажом, ведь слухи об аресте Сен-Симона совпадают с газетными дебатами по поводу реформы Конституции III г. Выступавшие за «ревизию» Конституции видели в ее либеральных положениях причину нестабильности правительства Директории. Слабая исполнительная власть сочеталась с легализированной неустойчивостью законодательных органов, в которых верх брали то левые, то правые. Эти «качели» оказались, в конце концов, неприемлемыми для буржуазных слоев. В конце 1797 г. идея усиления исполнительной власти интересует Барраса, Талейрана, Бонапарта, таких авторов Конституции III г., как Дону и Буле из Мёрт, наконец Сийеса, которого А.Матьез представляет в роли «серого кардинала» по разработке планов реформ.¹⁴ Очень серьезно идея эта рассматривалась в окружении мадам де Сталь и Б.Констана. Мадам де Сталь, которой фрюкидорианский переворот казался необходимым для спасения республики, порицала новый приступ терроризма, охвативший левых. Талейран говорил о ней: «Она устроила восемнадцатое, но не девятнадцатое... восемнадцатого фрюкидора она была на стороне правительственной партии, девятнадцатого она вновь попала в число гонимых».¹⁵ После переворота она вместе с Констаном обдумывает планы создания сильного правительства, стабильного и консервативного. Паскье вспоминает о «некоторых друзьях свободы», которые «охали по поводу заблуждений, жертвой которых стала Франция конца XVIII века», но в глазах которых возврат прежнего режима был бы еще большей опасностью. Отель де Сталь был местом, где собирались эти люди.¹⁶ Демократическая «Журналь дез ом либр» ударила в набат по поводу проектов пересмотра действующей Конституции на авторитарных началах. Газета сигнализировала о группе заговорщиков, недовольство которых управлением буржуазной республикой доходит до того, что они хотят «несменяемой палаты и пожизненного президента».¹⁷ Эта же газета первой пустила слух об аресте Сен-Симона. «Ами де луа» провела параллель между, с одной стороны, подобными проектами реформы Конституции и, с другой — заговором орлеанистов и «группой испанских заговорщиков». «К партии орлеанистов, — расшифровывает А.Матьез скрытый намек, — читатель газеты мог бы причислить Сталь и Констан, а к испанским заговорщикам Тальена, Барраса, Лораге и Сен-Симона»¹⁸.

Доказательство того, что Сен-Симон имел собственный план реформы Конституции III г., находится в мемуарах члена Совета пятисот Тибодо, который был одним из членов комиссии по составлению ее. Тибодо пишет, что в момент прибытия в Париж Бонапарта после подписания 18 октября Кампоформийского договора с Австрией он повстречал Сен-Симона, который сказал, что имеет план переделки Конституции, которая не предлагала ничего для честолюбия членов, выходящих из Директории. Для этих членов следовало бы учредить Сенат. «Сен-Симон, — пишет Тибодо, — хотел отмены Советов и централизации исполнительной власти. В том же смысле высказался и сопровождавший Сен-Симона Лораге. И тот, и другой мне говорили, что они сообщили свои идеи Баррасу и Бонапарту, приверженцами которых они были».¹⁹ Мемуары Барраса косвенно подтверждают сведения Тибодо. «Что нужно было сделать после 18 фрюктидора: просто возвратить Конституцию III года, которая была нарушена переворотом, или реформировать ее?» Баррас склоняется к последнему. Он вспоминает, что ему предлагали захватить власть как единственному диктатору, в том числе и Лораге представил свой план конституционной реформы. «Мой кузен Лораге, персонаж очень оригинальный, в вопросах философии и свободы имел идеи часто довольно передовые... Я полагаю, что его идеи не должны быть преданы забвению уже из-за одного только великодушия замыслов автора. Лораге предлагал более либеральные идеи, чем другие».²⁰ Но колебания Барраса так и остались колебаниями. «Директория, — пишет А.Матьез, — была сама творцом своего краха. Будучи убежденной уже на следующий день после фрюктидорианского переворота в необходимости реформы Конституции, она так и не набралась смелости произвести эту реформу, которая со временем, быть может, спасла бы Республику».²¹

Считывая всю дифференцированность взглядов этого «ревизионистского» течения, следует констатировать, что общественно-политическая ориентация Сен-Симона была в то время «либерально-авторитарной». Эта позиция стоит ближе к той точке зрения, которой он будет обычно придерживаться, чем к «вольнодумствам» времени революционного подъема.

1 Dautry J. Saint-Simon et la revolution necessaire // Annales historiques de la Revolution francaise. 1966. № 184. P.30.

2 Mathiez A. Le Directoire. Paris, 1934. P.46.

3 Guvot M.R. Le Directoire et la paix de l'Europe. Des traites de Bale a la dixieme coalition (1795—1799). Paris, 1911. P. 453.

4 «Я имею все основания думать, — пишет Малмсбери, — что можно полностью полагаться на здравый смысл и искренность этого информатора...». См.: Larrabee H.A. L'n Chapitre peu connu de la vie d'Henri de Saint-Simon. Son role dans les negociations de Lille // La Revolution francaise. 1929. T.28. P.200—202.

5 Gouhier H. La jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme. Paris, 1936. T.2: Saint-Simon jusqu'a la Restauration.

6 Собоуль А. Первая республика. 1792—1794. М., 1974. С.259.

7 Larrabee H.A. Op.cit. P.205; Dautry J. Op.cit. P.31.

8 Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil des documents pour l'histoire de l'esprit public a Paris / Par A.Aulard Paris. 1900. T.4. P.314-315.

9 Paris pendant la reaction... T.4. P.344; Mathiez A. Le Faux bruit de l'arrestation de Saint-Simon on fructidor an V // Annales Historiques de la Revolution francaise. 1928. T.5. P.576.

10 Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 91: Poniatowski M. Talleyrand et le Directoire. 1796—1800. Paris, 1982. P.326.

11 Paris pendant la reaction.. T.4 P.346.

12 Saint-Simon. Textes choisis. P.59.

13 Mathiez A. Le Faux-bruit de l'arrestation... P. 576.

14 Mathiez A. Saint-Simon, Lauraguais, Barras, Benjamin Constant etc. et la reforme de la Constitution de l'an V // Annales historiques de la Revolution francaise. 1929. T.6. P.19.

- 15 Сопель А. Госпожа де Сталь. Спб., 1892. С.46.
18 Pasquier E. Memoires. Paris, 1893. T.1. P.127.
17 Mathiez A. Le Directoire. P.338.
18 Mathiez A. Saint-Simon... et la reforme de la Constitution... R.12.
19 Thibadeau A.C. Memoires sur la Convention et le Directoire. Paris, 1824. T.2. P. 350.
20 Barras. Memoires, Paris, 1896. T.3, P.82.
21 Mathiez A. Saint-Simon... et la reforme de la Constitution... R.22.

См. также:

Базис <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#brs>

А. П. Данилова (Чебоксары)

ЭПОХА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Р. Ю. ВИППЕРА

Крупный русский советский историк Роберт Юрьевич Виппер (1859—1954) был ученым широкого профиля. Известны его труды по истории античности, теории и истории исторической науки, проблемам средневековья, в частности по кальвинизму. Значительное место в его научном творчестве занимали вопросы новой истории, особенно истории общественной мысли. И хотя его интересовали идеи, исторические теории, общественные учения всех периодов истории, центральное место в его исследованиях занимает период последней трети XVIII в. и первой трети XIX в., когда общественная мысль находилась под влиянием Великой французской революции.

В исторической литературе неоднократно отмечалось влияние передового профессора Московского университета А.А.Шахова, учителя Р.Ю.Виппера, на становление научных интересов ученика.¹ Именно он увлек Р.Ю.Виппера историей общественной мысли в Европе. Эта тема интересовала и другого его учителя — В.И.Герье.

Увлеченность данной проблемой Р.Ю.Виппер передал своему ученику В.П.Волгину, а тот — Б.Ф.Поршневу. Кроме этой преемственности нескольких поколений историков в интересе к одной и той же теме необходимо отметить также ее тесную связь с историей французской буржуазной революции. Данная проблема занимала центральное место в творчестве В.И.Герье, Н.И.Кареева и других представителей «русской школы» всеобщей истории.

Лекции А.А.Шахова, семинары В.И.Герье пробудили у молодого студента Московского университета Р.Ю.Виппера интерес к эпохе Великой французской революции, общественной мысли этого периода. Этот интерес не случаен. 80—90-е гг. XIX в. были временем назревания буржуазной революции в России. Многие проблемы, волновавшие русское общество в те десятилетия, были созвучны проблемам французского общества перед революцией конца XVIII в. Таким образом, русская действительность того времени, радикализм общественно-политических взглядов историка, его склонность к социальной трактовке важнейших проблем, внимание к народным движениям определили этот интерес.

Р.Ю.Виппер специально не занимался проблемой Великой французской революции, и у него не сложилась самостоятельная концепция революции, тем не менее его взгляды и оценки величайшего события XVIII в. представляют большой интерес. Они привлекают актуальностью темы, свидетельствуют о передовых научных и общественно-политических позициях ученого, позволяют проследить изменение его взглядов на Великую французскую революцию под влиянием общей эволюции его исторических воззрений.

В начале своей профессорской деятельности в Новороссийском университете, определяя тематику семинарских занятий, которые он организует на «московский манер», а также выпускных сочинений, Р.Ю.Виппер выбирает темы в русле своих интересов: «Дворянские наказания во Франции в 1789 г.», «Пьер Бейль как представитель исторического скептицизма»² и даже думает над темой о развитии программы якобинского клуба.³ Эти темы увлекут его учеников.⁴

Эпоха Великой французской революции, особенно развитие общественной мысли, находят отражение в публичных лекциях, читаемых Р.Ю.Виппером после возвращения в Москву в 1897 г. Лекции были переработаны в серию научных статей, опубликованных в 1899 г. в журнале «Мир божий», а в 1900 г. вышедших отдельной книгой.⁵ По свидетельствам современников, книга вызвала «большой интерес у читающей публики». Рецензенты признавали ее появление «выдающимся явлением в нашей бедной оригинальной социологической литературе».⁶ Хотя в работе охватывается значительный хронологический период — с рубежа XVII—XVIII вв. и до середины XIX в. — «центральное место в изложении принадлежит именно учениям, так или иначе группирующимся около западно-европейского переворота конца XVIII и начала XIX в.», то есть накануне революции и в начале XIX в., когда историческая мысль начинает «выходить из-под обаяния образа великой революции».⁷

Близки по содержанию названным другие публичные лекции и статьи, такие, как «Утопия Томаса Мора», «Екатерина II и просветительные идеи Запада», «Огюстен Тьерри» и «Опыт истории третьего сословия» — предисловие к русскому переводу книги О.Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия», «Очерки исторической мысли в XIX веке», «Либерализм и первая формула борьбы классов», «Социальная философия Сен-Симона» и другие. В соответствии со своим историческим мировоззрением этого периода Р.Ю.Виппер рисует последовательную смену общественных и философских взглядов в связи с глубокими социально-экономическими изменениями. Таким образом, идеи (общественные учения и исторические теории) выступают как продукты определенной эпохи, как элементы, производные от материальных, социально-экономических условий. С этих позиций оцениваются и учения просветителей, сыгравших важную роль в подготовке Великой французской революции.

Трактовка Р.Ю.Виппером основных проблем революции вырисовывается и из его учебников по новой истории как для школ, так и для вузов⁸, а также из статей о Монтескье и энциклопедистах в сборнике «Англия и Франция на исходе XVIII в. (экономика и идеология)» (Пг., 1922). И это особенно важно, так как учебники Р.Ю.Виппера пользовались большой популярностью в России начала XX в. Об этом свидетельствует тот факт, что они многократно переиздавались как в России, так и в других странах. Даже когда ученый был в эмиграции в буржуазной Латвии, по его учебникам занимались слушатели Высшей школы пропагандистов им.Я.М.Свердлова при ЦК ВКП(б).⁹ А «Курс лекций по новой истории», изданный на латышском языке, был признан лучшим из того, что вышло по проблемам всеобщей истории в буржуазной Латвии.¹⁰ И это не случайно, так как учебники Р.Ю.Виппера отличали достоверность, научная глубина, отсутствие шаблонов, умелое сочетание изложения фактического материала с собственной оценкой событий и явлений.

В рецензии на учебник новой истории Н.Дубровский писал: «Эта книга — единственное пособие, которое именно и отвечает требованиям истинно педагогического преподавания истории. Из всех учебников, существующих не только на русском, но и на французском, английском и немецком языках, только книга Виппера заслуживает наименования настоящего учебника: она дает все для того, чтобы преподавание истории ставить так, как того требуют прежде всего интересы общего умственного развития молодого поколения...»¹¹

Таким образом, на основе оценок Р.Ю.Виппером Просвещения, Великой французской революции формировалось мировоззрение молодого поколения, что также делает рассмотрение взглядов Р.Ю.Виппера на проблемы Великой французской революции заслуживающим внимания.

Обращаясь к анализу причин революции, сделанному Р.Ю.Виппером, следует отметить, что он ищет их в сфере социально-экономических отношений предреволюционной Франции. В разворачивающихся событиях он в первую очередь видит отражение интересов социальных групп, обострение противоречий между имущими слоями, с одной стороны, и трудовыми, производительными — с другой.

Характеризуя «старый порядок», ученый подчеркивал, что «он мог существовать, пока оставались нетронутыми основы старого общественного порядка, когда сложилось новое общество, враждебное привилегиям и опеке сверху, добивавшееся равенства, оно опрокинуло и весь порядок».¹²

В вопросе о положении французского крестьянства перед революцией Р.Ю.Виппер следовал И.В.Лучицкому и П.Г.Виноградову. Он также считал, что крестьянство во Франции было не только лично свободным с XVI в., но и очень часто являлось собственником земли, на которой оно работало. Причину же обострения противоречий в деревне ученый видит в тяжелом гнете феодальных повинностей, которыми было задавлено крестьянство.

Выдвижение на первый план социально-экономических причин революции не было случайным. Именно такая постановка вопроса выгодно отличала Р.Ю.Виппера как социального историка, настаивающего на том, чтобы во всяком явлении изучать сначала хозяйственные, потом политические стороны, различать **«содержание общественной жизни ее хозяйственного строя, ее классовых отношений и ее Фомы, выражающейся в правительственном строе, в правовой и административной организации»** (выделено мною — А.Д.).¹³ Определяя соотношение различных факторов в общественном развитии, ученый писал, что «крупные столкновения политических сил... не могли бы разыграться без скопления и борьбы масс капитала; характерные черты... программ, их широта и распространенность, их социальный оттенок останутся нам непонятны, если мы не схватим могущественных пружин материальной жизни».¹⁴ Подчеркивание ведущей роли материальных, социально-экономических факторов характерно для научных исследований Р.Ю.Виппера раннего периода, что нашло отражение в книге «Общественное учения и исторические теории» в первых изданиях учебников новой истории и других работах. Этим отличались научные труды не только Р.Ю.Виппера. Именно социально-экономические аспекты «старого порядка» и революции выдвигались на передний план в русской либеральной историографии последней трети XIX в., о чем свидетельствуют работы И.В.Лучицкого, М.М.Ковалевского, Н.И.Кареева, П.Г.Виноградова и других.¹⁵

Поэтому революция определялась Р.Ю.Виппером как глубокое социальное движение с ожесточенной борьбой классов, активным участием народных масс. Так, анализируя взгляды Екатерины II на причины Великой французской революции, он критикует ее за то, что «между всеми 32 причинами революции нет ничего похожего на борьбу классов, на народное движение, на стремление к политической свободе».¹⁶ По мнению ученого, революция обнаружила «могучую новую силу... энтузиазм народной массы».¹⁷ И именно эта масса (крестьянство и городские низы) стала решающей силой революции. Поэтому движущей силой революции он называет «ремесленное и рабочее население Парижа, которое **своими восстаниями** (14 июля и 5 октября 1789 г., 10 августа 1792 г.) и **давало главную силу делу революции**»¹⁸ (выделено мною. — А.Д.).

Это определение Р.Ю.Виппером роли народных масс в Великой французской революции созвучно определению Ф.Энгельса: «...без его (народа, плебса. — А.Д.) вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т.д. ancien regime (старый порядок. — А.Д.) неизменно одерживал бы победу... таким образом, только **эти плебеи и совершили революцию**»¹⁹ (выделено мною. — А.Д.).

Руководящую роль в революции ученый отдает буржуазии, которая в сфере экономической выдвинулась на первое место и потребовала себе участия в политической жизни. Определяя состав этого класса, Р.Ю.Виппер писал: «Впереди этого нового общества стала просвещенная буржуазия, население крупных городов, особенно Парижа, люди торгово-промышленного дела и интеллектуальных профессий».²⁰

Наряду с социальными факторами, определившими революцию конца XVIII в. во Франции, Р.Ю.Виппер называет и политические противоречия. Их основу он видел в недовольстве всех классов, даже привилегированных, политикой абсолютизма, который сдерживал, тормозил общественное развитие.

Учреждения «старого порядка» стесняли развитие личности, ее предприимчивость и свободу, ее умственные способности, всячески преследовалось свободомыслие. Однако, говоря о требованиях оппозиционных сил, ученый различает программы привилегированного и непривилегированного сословий. Выступая против Людовика XVI, дворянство и духовенство считали, «что короли захватили неправильно власть», стремились восстановить свои старинные вольности и преимущества. Однако, имея передовую политическую программу, в вопросах социальных и экономических они оставались на консервативных позициях, желая почти все оставить без изменения. В этом они разошлись с третьим сословием. Начавшаяся революция отбросила их в сторону реакции. Поэтому только буржуазия встала во главе революционного движения масс, направленного против «старого порядка».

Важное место в подготовке революции во Франции ученый отводил духовным предпосылкам, идеологии Просвещения. Р.Ю.Виппер дает высокую оценку общественным учениям и историческим теориям просветительского века. В зависимости от характера программ, выражающих интересы определенных общественных слоев, он выделяет в общественной мысли Франции XVIII в. ряд течений. К собственно просветителям он относит Монтескье и Вольтера, «крайними» просветителями называет энциклопедистов и блестящую плеяду французских материалистов — Дидро, д'Аламбера, Гельвеция, Гольбаха, особо выделяет физиократов. Учения Руссо и утопических коммунистов (Мелье и Мабли) он называет «народническими» и связывает их с подъемом крестьянского движения.²¹

Характеризуя взгляды Монтескье и Вольтера, Р.Ю.Виппер при всем различии подчеркивает их веру в безграничные возможности разума, его грядущее торжество, антисловную, антикрепостническую, антиклерикальную направленность. В то же время в их взглядах он не находит «режущего, разрушительного порыва», революционной «угрозы старинным общественным устоям». Сопоставляя идеологию Просвещения и программы просвещенного абсолютизма, Р.Ю.Виппер писал: «Просветители в обладании престола и просветители в одном обладании Разума сходились во взглядах на задачи и приемы просвещения. Для осуществления той меры свободы, которая нужна интеллигентному человеку, т.е. свободы умственной, по мнению философов, именно нужен был авторитет просвещенного государя».²² Одинаковым было их отношение к народу. «В черной народной тьме просветители не видели еще ни объекта своего воздействия и симпатии, ни возможного будущего союзника»²³. Причину подобного консерватизма просветителей ученый видит в общественной среде, их выдвинувшей. «Монтескье, — писал Р.Ю.Виппер, — один из лучших, самых гуманных представителей руководящего интеллигентного общества в его старинном составе и с его старинными традициями. Монтескье выражает в своих сочинениях ту меру реформ, на которые это общество было способно без ломки своих основ».²⁴

Р.Ю.Виппер высоко ценил Монтескье за создание основ социологии, а Вольтера — истории культуры, но он указывал на ограниченность их взглядов на эти проблемы. С позиций социального историка он критиковал Монтескье за то, что тот «видит лишь одну арену, на которой проявляются социальные чувства, именно государство. Он не замечает, что под этой организацией, закрепленной законами, есть другая, самостоятельная, менее заметная по внешним проявлениям, но более глубокая, медленнее изменяющаяся и определяющая в сущности политическую жизнь, организация общественная, в виде группировки классов, распределения интересов между ними, в виде господства известных направлений мысли, связанных с этими интересами»²⁵ (выделено мною. — А.Д.).

Самым решительным образом Р.Ю.Виппер возражает против узкого понимания культуры Вольтером и просветителями XVIII в., для которых «культура — это умственная свобода для немногих, простор для интеллектуальной аристократии...

Мягкие нравы, порядок без давления, общество без принудительности».²⁶ Эти оценки крупнейших фигур Просвещения свидетельствуют о передовых демократических общественно-политических взглядах историка, глубоком понимании им идейных движений кануна Великой французской революции.

В ряде своих работ, касаясь проблем общественной мысли этого периода, ученый значительное место уделяет «народничеству», выдвинувшему ряд передовых демократических идей: политическое равенство, народный суверенитет, право народа на восстание и т.д. Ученый видит принципиальное отличие их от представителей старшего поколения просветителей. «Поколение, примыкавшее к Руссо, так резко отделялось от вольтеровского, как будто бы между ними уже прошла революция».²⁷

Появление этого нового направления он связывает с выступлением новых общественных классов, с защитой их нужд и стремлений. Определяя классовую сущность этого течения, Р.Ю.Виппер писал: «Демократия (XVIII в.) слагалась в деревне из мелких земледельцев и крестьян, связанных отчасти устарелыми и запутанными повинностями, в городе — из представителей мелкого ремесла и близких к ним по положению рабочих крупных производств».²⁸ Типичным представителем этих взглядов он считает Руссо, учение которого отличали резкая социальная критика существующего порядка, призывы к идеальному обществу, где верховным носителем власти должен быть народ. По мнению ученого, идеи Руссо имели огромный революционный потенциал, а его «обращение к непосредственному чувству масс, к натуральному против рефлексии, против искусственности звучит призывом к общественному перевороту».²⁹ Однако Р.Ю.Виппер далек от идеализации Руссо, Мабли и других. Он указывает на резкое противоречие между последовательной социальной критикой отживающего строя и «узостью, скудостью положительных социальных построений», на религиозный консерватизм. Ученый критикует их за то, что их «идеал состоит в реакции к натуральному хозяйству и к родовым отношениям. Резкая критика общественных порядков заканчивается идиллией отжившего состояния».³⁰ Р.Ю.Виппер указывает и причины подобного консерватизма — это неподвижность, неразвитость социально-экономических отношений, мелкого хозяйства, «сельская полужаснувшая идиллия», «земледельческо-кустарный сентиментализм». Он явно указывает на социально-экономическую обусловленность идей. Его выводы близки известному тезису Ф.Энгельса, видевшего ограниченность утопического социализма в условиях, его породивших: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории».³¹

Но Р.Ю.Виппер видит связь революционных идей не только с непосредственно предшествовавшими им идеями, но и с более отдаленными теориями, среди которых он особо выделяет учение сельского священника из Нормандии — Жана Мелье. В его «Завещании» ученый видит отчаянный протест против несправедливости, неравенства, притеснения неимущих и в то же время горячий призыв к народу изгнать тиранов и попов. «Возбужденная речь пастора, — пишет историк, — его манифест с того света доходит до настоящей революционной фразеологии: вы внемлите точно речи оратора Конвента, почти буквально слышится известный призыв «Марсельезы» к оружию».³² Связь революционных идей Мелье с программами Великой французской революции, по мнению ученого, несомненна. И хотя Р.Ю.Виппер не создал специальной работы о Мелье, его заслуга в постановке этой темы и начале научного исследования неоднократно подчеркивалась в советской историографии.³³

Среди мыслителей и политических деятелей кануна и периода революции Р.Ю.Виппер особенно высоко ставил одного из создателей теории бесконечного прогресса Кондорсе, который привлекал его не только своими передовыми взглядами, но и активной общественно-политической позицией, тем, что «в великом штурме за человеческие права... стоял на первом, самом ответственном посту».³⁴

В то же время он указывал на ошибочность толкования Кондорсе возникновения классов и сословий в результате умственного разъединения, на его невнимание к интересам масс, на неверность его тезиса о том, что «весь свет идет сверху, и только научный свет организует сырую материю народа».³⁵

Выводы Р.Ю.Виппера о значении идеологии просвещения для подготовки французской революции созвучны оценке этого течения общественной мысли, сделанной Ф.Энгельсом: они «просвещали головы для приближающейся революции, совершая подлинную революцию в умах».³⁶

Итак, предпосылки Великой французской революции: социально-экономические, политические, духовные — налицо, революция назревала. Но была ли она неизбежной? Или была какая-то альтернатива ей? Хотя Р.Ю.Виппер дает высокую оценку революции, он не считает ее фатально неизбежной. Те задачи, которые решала революция, те общественные потребности, которые назрели во Франции, считает он, могли быть разрешены сверху, путем реформ, мероприятий просвещенного абсолютизма. Примеры таких реформ он приводит в странах Восточной Европы, Германии (реформы К.Штейна).³⁷ «Просвещенные правители XVIII века, — писал он, — принимались за борьбу со старым строем, с привилегиями высших классов. Они уже начинали собою дело революции; они впервые развязали скованные и спящие общественные силы, поднимали протест и недовольство защитников старого порядка, не имея, однако, за себя поддержки новых идей и даже вызывая осуждение их за свой деспотизм».³⁸ Р.Ю.Виппер здесь явно переоценивал роль просвещенного абсолютизма как в ломке старого, так и в создании нового строя; а употребление термина «революция» для обозначения проводимых просвещенным абсолютизмом преобразований говорило о недостаточно глубоком понимании им социальной революции. Впрочем, здесь Р.Ю.Виппер не был оригинальным. Концепции «монархической революции» придерживались многие представители русской либеральной историографии конца XIX—начала XX вв. (например, В.И.Герье, П.Г.Виноградов).

Отвечая на вопрос о причинах революционного взрыва во Франции, Р.Ю.Виппер писал: «Здесь разрушительный взрыв произошел раньше всего и в наиболее резкой форме потому, что слишком велико было противоречие между учреждениями старого порядка и понятиями просвещенного общества. Притом во Франции государственная власть не сумела взять в свои руки дело реформы общества: как раз в этой передовой стране Европы, откуда шло распространение гуманных и освободительных идей, не образовалось просвещенной монархии: королевская власть осталась безразличной к общественному движению и потому была опрокинута вместе с дворянством и аристократической церковью».³⁹ Итак, острота противоречий при отсутствии просвещенного абсолютизма сделала, по его мнению, революцию во Франции неизбежной,

По мнению Р.Ю.Виппера, революция началась 14 июля 1789 г. Он выделяет в ней два этапа: «умеренных, конституционных принципов 1789 г.» и «демократических, непримиримых принципов 1793 г.»⁴⁰ В анализе хода развития революции много места отводится им борьбе партий и группировок, отражающих столкновение различных общественных сил и определяющих направление политики того или иного правительства.

В деятельности Учредительного собрания наряду с мероприятиями в духе равенства и свободы он указывает и те, что существенно ограничивали эти принципы: избирательный закон, делящий всех граждан на «активных» и «пассивных», закон против «коалиций» рабочих и др. Не в интересах народа была и аграрная политика. «В деле уничтожения феодализма и размежевания владений между помещиками и крестьянами, — писал Р.Ю.Виппер, — собрание стало на сторону правых».⁴¹ Подобная политика Учредительного собрания привела к тому, что «в среде третьего сословия, по-видимому столь единодушного в 1789 году, обнаружилась глубокая рознь двух разрядов, буржуазии и остальной массы. Действовавшее в духе буржуазии собрание было через два года, в 1791 году, далеко не так популярно, как вначале».⁴²

Более демократичным он считает состав Законодательного собрания, а поэтому и мероприятия его более решительны. Очень высоко ставит он аграрную политику этого периода, видя в ней окончательное решение крестьянского вопроса. Но самым «горячим временем» он называет период деятельности Конвента 1793 г., представленного наиболее талантливыми людьми Франции. Успехи революционной Франции в борьбе с внутренними и внешними врагами Р.Ю.Виппер связывал с деятельностью якобинцев, которых считал более энергичными, чем жирондистов. И хотя якобинский Комитет общественного спасения он называет «настоящим деспотом» Франции и его меры сравнивает с «деспотизмом старого правительства», он подчеркивает, что эти суровые и решительные меры, это «временное подавление начал свободы» предпринимались в интересах «спасения революции и республики».⁴³

Концепцию Великой французской революции Р.Ю.Виппера отличает глубина проникновения в сущность борющихся политических сил. Высоко оценивая якобинцев как передовых, демократичных представителей буржуазии, историк видит их классовую ограниченность, в силу которой «очень решительные в деле политической перестройки якобинцы не хотели допускать перемены в распределении собственности».⁴⁴ Поэтому они так решительно выступили против «бешеных», «которые жаловались на одностороннее направление революции и на невнимание республики к интересам народа;

сами они требовали социального переворота в смысле установления равенства имущества и общего пользования богатствами».⁴⁵ Характеризуя мелкобуржуазную ограниченность аграрного законодательства якобинцев, он писал: «О том, чтобы помочь сельской бедноте, в собрании, состоявшем из представителей буржуазии, не хотели и думать».⁴⁶

Как видим, историк правильно определял классовую сущность якобинства и его политики. Классовыми причинами, сужением социальной базы он объясняет и гибель якобинской диктатуры. Против нее выступили: 1) дворянство и духовенство; 2) крестьяне; 3) зажиточная буржуазия, которая была напугана «произволом конвентских комиссаров», посягательствами якобинцев на собственность; 4) ремесленное и рабочее население Парижа, так как «ничего существенного для решения социального вопроса не было сделано, рабочее население постепенно охладело к революции».⁴⁷ Среди других причин гибели якобинцев Р.Ю.Виппер называет разногласия в Комитете общественного спасения и в Конвенте, «расправы и казни» Робеспьера, его «страшную подозрительность». С переворота 9 термидора начинаются спад революции, разгул террора. Под влиянием революционных событий в России в седьмом дополненном и переработанном издании учебника новой истории Р.Ю.Виппер пишет, что «белый террор 1794—1795 гг. унес еще больше жертв, чем красный» (то есть якобинский. — А.Д.)⁴⁸. В период Директории реакция против завоеваний революции продолжает усиливаться. Власть Директории держится силой штыков и сосредоточивается постепенно в руках военных вождей, то есть объективно создавались условия для перехода власти в руки военного диктатора.

Характеризуя позицию буржуазии в период спада революции, Р.Ю.Виппер отмечает, что большинство ее боялось возвращения «старого порядка», так как получило службу, должности, почести, но «большинство соглашалось теперь с такой властью, которая дала бы спокойное обладание новыми правами и владениями, хотя бы при этом была утрачена политическая свобода».⁴⁹

Значение и итоги французской революции конца XVIII в. Р.Ю.Виппером рассматриваются в нескольких аспектах. В сфере социальной она привела к созданию буржуазного порядка. «Общественные перемены, совершенные революцией, — пишет он, — привели к порядку, весьма устойчивому».⁵⁰ В политической области ликвидация феодально-абсолютистского строя дала стране демократическое устройство. Но особенно восторженно Р.Ю.Виппер говорит о достижениях идеологических, о торжестве принципов, выдвинутых идеологами Просвещения.

Недаром он называет эту революцию «великим штурмом за человеческие права». Усиленно подчеркивает воздействие «образа великой революции» на общественное, политическое, культурное развитие не только Франции, но и всей Европы.

Анализируя пути влияния революции на Европу, он писал: «Французская революция впервые выдвинула национальный принцип как верховное, безусловное начало в жизни народа. Как прямым, идейным влиянием, так и косвенным, путем войн, она вызвала в народах Европы национальные движения...»⁵¹, поставила повсеместно задачу уничтожения старых форм, отживших порядков. Открылась целая эпоха усвоения «уроков и принципов революции».

В значительной мере под влиянием революции в общественной мысли Европы возникла новая передовая историческая теория — бесконечного прогресса. Говоря о предпосылках появления этой теории, Р.Ю.Виппер писал: «Это было впечатление промышленных и культурных отношений между народами, затем эволюционная теория, намечавшаяся естественными науками, наконец, самый факт быстрых успехов науки, ее философского и технического торжества».⁵² Но на формулировку теории прогресса повлиял и «еще один новый элемент общественного движения ... именно политическое возрождение страны (Франции. — А.Д.), расширение сферы прав, рост гражданского равенства в эпоху революционную».⁵³ Одновременно и ослабление влияния этих исторических теорий он связывал со «слабеющими колебаниями волн, поднятых огромным переворотом в конце XVIII века».⁵⁴

Однако мы не находим у Р.Ю.Виппера подробного анализа экономических изменений, вызванных революцией, они отодвинуты на задний план. О них говорится как бы вскользь. И это не случайно. Для Р.Ю.Виппера, как и для большинства представителей либеральной, буржуазной историографии, было характерно некоторое принижение роли революции. В их трактовке революция оказывалась настолько подготовленной, что ей оставалось сделать лишь последний, пусть и самый решительный шаг. Отсюда то значительное внимание, которое представители этого направления уделяют предреволюционным, подготовительным эпохам. Сама же революция столь детального освещения у них не находит.

Взгляды Р.Ю.Виппера на конкретно-исторические проблемы не оставались неизменными на протяжении длительного творческого пути ученого. Они менялись в связи с эволюцией его общественно-политических и теоретико-методологических воззрений.

В целом его трактовка Великой французской революции сложилась в первый, наиболее плодотворный период творчества. В ней нашли отражение радикализм его политических воззрений, близость к материалистической оценке этого важнейшего события. Но даже на этом этапе с позиций позитивизма Р.Ю.Виппер не считает революции обязательными, в истории и в современной ему действительности он отдает предпочтение реформе, а не революции. Отсюда такое внимание к политике просвещенного абсолютизма. Этот тезис усиливается в связи с нарастанием революционных событий в России, особенно Великой Октябрьской социалистической революции, которую Р.Ю.Виппер не сразу понял и принял. Но даже в этот период он не умаляет значения Великой французской революции конца XVIII в., ибо она была буржуазной. Поэтому многочисленные переиздания его учебников по новой истории, очерков «Общественные учения и исторические теории» не имеют существенных, принципиальных изменений, хотя сильнее начинает звучать трактовка им революции как количественного сдвига, последнего шага в длительном и постепенном процессе накопления нового качества.

Показателем эволюции его взглядов является отношение к предреволюционным теориям «патриархальной демократии» (Руссо, Мабли). В своих ранних работах он говорит об их «социальном консерватизме», «утопическом ретроградстве», считает, что с развитием капитализма, успехами науки и техники общественные мечтания, подобные мечтаниям Руссо, становятся невозможным анахронизмом.

Позже, когда кризис и падение капитализма в России в ходе социалистической революции он воспринял как гибель цивилизации и культуры вообще, то выход из этого кризиса сам же начинает искать в возврате к патриархальным временам, природе, в простоте, отказе от «индустриальной системы», от всех достижений науки и техники, а в области социальной и политической — в отказе от «демократизации нравов». Консервативная политическая позиция, занятая ученым в первые годы Советской власти, а также крен в сторону субъективистского толкования истории заставляют его видеть основы «возрождения» цивилизации и культуры не в деятельности народных масс, а в интеллигенции, женщине, «вдохновляющей» силе античности и даже... в религиозных корпорациях.

Однако, несмотря на все колебания, Р.Ю.Виппера всегда отличало глубокое понимание содержания и характера классовой борьбы во все периоды истории. В статье «Либерализм и первая историческая формула борьбы классов», а также в предисловии к русскому переводу книги О.Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия» он решительно выступает против ограниченного понимания классовой борьбы французскими историками периода реставрации, против их стремления ограничить ее рамками победы буржуазии над феодализмом, то есть Великой французской революцией. Сопоставляя последующие революции во Франции, Р.Ю.Виппер указывает на отличие революции 1848 г. от революций 1789 и 1830 гг. Это различие он видит в том, что «в деле были новые, не предусмотренные историей силы, самой буржуазии грозили они. Это были рабочие классы. В потомстве старого третьего сословия, которое в 1789 г. образовало единую нацию, обнаружился новый антагонизм, и закономерности этого антагонизма так же, как закономерности существования новых классов, не хотел признать Тьерри».⁵⁵ Р.Ю.Виппер критикует его за то, что он в своих «политических идеях не пошел дальше 1830 года и его приобретений».⁵⁶

Здесь налицо понимание ученым закономерности и исторической необходимости борьбы пролетариата и буржуазии. Но признание этой борьбы теоретически буржуазным ученым еще не означало признание им ее практических результатов. Так было в случае с Великой Октябрьской социалистической революцией в России и отношением к ней Р.Ю.Виппера.

Оценивая опыт прошлых революций, Р.Ю.Виппер писал, что «в эпоху революции выдающийся человек, кто бы он ни был, не мог уйти от политической жизни. В великом штурме за человеческие права его долг был стоять на первом, самом ответственном посту».⁵⁷ Однако в развернувшейся революции в России, в самой последовательной борьбе за права самых широких масс трудящихся он остался в стороне. Это не только его беда. В этом трагедия значительной части русской интеллигенции.

1 Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С.72; Поршнев Б.Ф., В.П.Волгин // Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей. М.: Наука, 1975 С.3—4; Голубцова Н.И. В.П.Волгин — исследователь истории общественной мысли во Франции в XVIII веке // Французский ежегодник. 1979 М.: Наука, 1981. С.15—16; Галкин И.С. Н.М.Лукин — революционер, ученый. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С.42

2 Виппер Р.Ю. Отзыв о сочинениях, представленных на тему «Дворянские наказания во Франции в 1789 г.» Одесса, 1896; Виппер Р.Ю. Отзыв о сочинениях, представленных на соискание медали в мае 1897 года. Одесса, 1898.

3 Галкин И.С. Н.М.Лукин — революционер, ученый С.25.

4 Впоследствии его ученик В.Я.Хорошун, получивший золотую медаль за сочинение по первой теме, продолжит работу над ней. Результатом его напряженного труда станет работа «Дворянские наказания во Франции в 1789 г.», опубликованная в 1899 г в «Записках» Новороссийского университета. Работа Хорошуна В.Я. была первым по времени, довольно подробным исследованием дворянских наказов. Она была выполнена на основе тщательного изучения наказов по тем публикациям, которые появились к тому времени во Франции. Молодой ученый намеревался продолжить исследование в этом направлении, но ранняя смерть (1902 г.) прервала работу.

Другой ученик Р.Ю.Виппера, будущий крупный советский историк Н.М.Лукин, в качестве выпускного сочинения представил работу «Падение Жиронды», посвященную одному из важнейших переломных событий Великой французской революции. И здесь влияние учителя несомненно. Об этом писал впоследствии Н.М.Лукин: «Сам проф. Виппер не занимался специально французской революцией, но, несомненно, под его влиянием целый ряд его учеников брали темы как раз из той эпохи. Тов. Волгин занимался Мелье, и его работа ...была напечатана. Я изучал падение Жиронды...» Цит. по кн.: Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Н.М.Лукин. М.: Наука, 1987. С.25.

5 Риппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. Спб., 1900 (переиздавалась в 1908, 1913, 1919, 1925 гг.).

6 Образование. 1900 № 12. С.63; Жизнь. 1900. Т.1. С.16.

7 Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории... С.1

8 Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. М., 1905 (другие издания — 1907, 1908, 1910, 1917, 1918, 1923, 1924; Он же. Краткий учебник новой истории. М., 1912 (1913, 1916, 1923; Он же. Четыре века европейской истории. 1500—1923. М., 1924; Он же. Новая история. Абсолютные монархии и эпоха трех великих революций (1640—1795). Рига, 1937 (на латыш, яз.); и др.

9 Курс всеобщей истории. Материалы из учебника древней истории Р.Ю.Виппера для классных занятий в Высшей школе пропагандистов им. Я.М.Свердлова при ЦК ВКП(б). М, 1937; Курс всеобщей истории. Материалы из учебника истории средних веков... Ч.1—2. М., 1937—1938; и др.

10 См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1938. Т.6: Советская историография Латвии. (Материалы к обсуждению). Вып.13. С.9.

11 Дубровский Н., Виппер Р.Ю. Учебник новой истории // Книга. 1906 № 6. С.12—13.

12 Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. С.197.

13 Он же. Утопия Томаса Мора // Мир божий. 1895. № 3. С.9.

14 Он же. Общество, государство, культура XVI в. на Западе // Мир божий. 1897. № 8. С.218.

15 См.: Хвостов М.М. Новые работы русских исследователей о земледелии и земледельческом классе во Франции перед революцией. М., 1898;

Кареев Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции. Спб., 1904.

16 Виппер Р.Ю. Екатерина II и просветительные идеи Запада // Мир божий. 1896. № 12. С.17.

17 Он же. Государственные идеи Штейна // Русская мысль. 1891. Кн.8. С.9.

18 Он же. Учебник новой истории. С.312.

19 Энгельс Ф. Карлу Каутскому, 20 февраля 1889 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.126.

20 Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. С. 197.

21 См.: Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. С.225—235; Общественные учения и исторические теории... С.62—63.

22 Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории... С.51.

23 Там же.

24 Там же. С.34.

25 Там же. С.43—44.

26 Там же. С.61.

27 Виппер Р.Ю. Екатерина II и просветительные идеи Запада // Мир божий. 1896. № 12. С.16.

28 Он же. Общественные учения и исторические теории... С 62.

29 Он же. Общественные учения и исторические теории... // Мир божий. 1899. № 5. С.137.

30 Он же. Общественные учения и исторические теории... С. 74.

31 Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 194.

32 Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории... // Мир божий. 1899. № 3. С.123.

33 Советский историк Б.Ф.Поршнев в своем предисловии к книге о Мелье писал: «Тему о Жане Мелье профессор А.А.Шахов завещал своему ученику будущему академику Р.Ю.Випперу, а тот — своему ученику будущему академику В.П.Волгину, первая же работа которого была именно о Мелье. Дальше эту тему унаследовал от своего учителя автор этих строк». См.: Поршнев Б.Ф. Мелье. М, 1964. С.20.

- 34 Виппер Р.Ю. Общественные учения... С.93.
35 Там же. С.95.
36 См.: Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.189,
37 См.: Виппер Р.Ю. Государственные идеи Штейна // Русская мысль. 1891. Кн.8. С.1—17; Он же. Общественные учения и исторические теории... С. 50, и др.
38 Виппер Р.Ю. Четыре века европейской истории М.: Работник просвещения, 1924 С.126.
39 Он же. Новая история. 1500—1917. 7-е изд. М., 1919, С. 313,
40 Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. С.309.
41 Там же. С.327.
42 Там же. С.326.
43 См.: Там же. С.309—310.
44 Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. 5-е изд. М., 1917. С.319.
45 Он же. Новая история. 1500—1917. С.334.
46 Он же. Учебник новой истории. С.319.
47 См.: Виппер Р.Ю. Учебник новой истории. С.312.
48 Он же. Новая история. С.339.
49 Он же. Учебник истории. Ч.В. Новое время. С.231,
50 Там же.
51 Виппер Р.Ю. Государственные идеи Штейна // Русская мысль. 1891. Кн.8. С.1.
52 Он же. Общественные учения и исторические теории... С.97.
53 Там же. С.91.
51 Там же. С.187.
55 Виппер Р.Ю. Огюстен Тьерри и «Опыт истории третьего сословия» // Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия / Пер. с франц. М, 1899. С.24.
56 Там же. С.26.
57 Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории... С.92.

См. также:

Николай Иванович Кареев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#kareev>
Николай Михайлович Лукин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#luk>
Вячеслав Петрович Волгин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg>

Т. Н. Иванова (Чебоксары)

ОЦЕНКА КНИГИ А. ТОКВИЛЯ «СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ» РУССКОЙ БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX в.

Общественный и политический деятель граф Алексис де Токвиль (1805—1850), занимавший в 30—50-х гг. ряд государственных постов во Франции, остался в истории как автор исследований «О демократии в Америке» (1835) и «Старый порядок и революция» (1856). Последней книге был уготован необычайный успех в историографии Великой французской революции. Концепция «Старого порядка и революции» оказала определяющее воздействие на творчество И.Тэна, А.Сорея, Н.-Д.Фюстеля де Куланжа и др. До сего дня не прекращается в буржуазной науке полемика вокруг книги Токвиля. При этом оценки этого труда достаточно разноречивы: от признания его «выдающимся» (Ж.Лефевр, М.Рейнар и др.) до полного отрицания исторических заслуг Токвиля (О.Фосслер). Предпринимаются попытки интерпретировать идеи Токвиля в интересах реакционного отрицания всякого значения Великой французской революции (Ф.Фюре) и опровержения марксистского учения об общественно-экономических формациях (Р.Арон).¹

В чем же секрет необыкновенной и продолжительной популярности книги? Не ставя задачей всестороннюю оценку «Старого порядка и революции», выделим основные положения, получившие наибольший отклик в русской историографии.

К работе над книгой Токвиль приступил после безуспешных попыток противостоять конституционными мерами установлению Второй империи во Франции. В поисках ответа на вопрос, почему после провозглашения республики в 1848 г. Франция вновь стала империей, Токвиль обратился сначала к истории установления Первой империи во Франции, последовавшего за Великой французской революцией, а затем к исследованию истоков этой революции.

Для понимания идеологической основы концепции Токвиля важно подчеркнуть, что она создавалась в период политического господства буржуазии и зарождения пролетарского движения, в поисках борьбы с которым образовался компромисс буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Одним из представителей такого идейного компромисса стал Токвиль, сочетавший верность идеям буржуазного либерализма и отрицание революционных движений народных масс.²

В результате многолетней работы в архивах Токвиль пришел к выводу, что «революция ввела гораздо меньше нового, чем обычно предполагают».³ Строй, установившийся во Франции в ходе революции, был лишь дальнейшим продолжением процессов, происходивших во Франции до 1789 г. в недрах старого порядка. При наличии благоприятных факторов новый строй мог бы развиваться мирным путем, без революции. Феодализм перестал быть учреждением политическим. Еще до революции постепенно осуществлялась централизация государственной власти, перед которой все граждане уравнивались в правах. Мелкая крестьянская собственность, по мнению Токвиля, образовалась еще в эпоху старого порядка, и результатом революции было не раздробление земли, а ее освобождение. Причины революции заключались в недостаточно гибкой политике правительства и чрезмерной централизации власти. Революция, таким образом, лишь снесла внешние перегородки, то есть превратила де-факто в де-юре. Однако в ходе революции по вине «черни» в жертву идее равенства была принесена идея свободы, носителем которой была аристократия. В результате чрезмерной централизации и забвения принципа свободы во Франции установился не строй, о котором мечтали просветители, а диктатура Наполеона. Таковы в целом те основные положения, на оценке которых в русской историографии мы остановимся ниже.

Книга Токвиля «Старый порядок и революция» имела огромное влияние на становление русской историографии Великой французской революции. Это влияние несравнимо ни с одним другим сочинением по истории Великой французской революции. Среди различных слоев русской общественности были поклонники и критики Минье и Тьера, Зибеля и Мишле, но ни об одном историке не писали так часто, как о Токвиле, идеи никакого другого произведения не имели такого влияния на русскую историографию, как идеи «Старого порядка и революции». Советский исследователь Б.Г. Вебер говорил о «культе Токвиля» в русской либеральной историографии конца XIX в., видя объективные причины для его возникновения в использовании антиреволюционных идей Токвиля применительно к русской действительности.⁴

Время распространения идей Токвиля (конец 50-х—60-е гг.) совпало с переломным этапом в жизни России. Реформы 60-х гг. стали, по выражению русских историков, «революцией сверху». Но половинчатость этих реформ не сняла вопроса о необходимости «народной революции», к которой призывали революционные демократы, в качестве примера указывавшие на Великую французскую революцию. Русским либералам, которые после реформ постепенно переходили на охранительные позиции, необходимо было противопоставить революционно-демократической трактовке событий во Франции умеренно-либеральную концепцию истории революции. В этом отношении положения книги Токвиля о нежелательности революций, отрицательная оценка народных движений были близки русским либералам. Проповедовавшийся Токвилем идейный компромисс буржуазии и дворянства также был необходим русской буржуазии перед угрозой нараставшего революционного движения.

Одна из причин возникновения «культа Токвиля» вытекает, на наш взгляд, из самого положения, сложившегося в русской историографии. Из-за цензурных ограничений до 60-х гг. русские ученые не имели возможности заниматься историей Великой французской революции. После смерти Николая I последовал ряд указов, направленных на смягчение цензурных запретов. Этот процесс, открывший новые возможности перед русской историографией новой истории, совпал по времени с выходом в свет «Старого порядка и революции» и распространением идей Токвиля в зарубежной науке.

Книга Токвиля в конце 50-х—начале 60-х гг. XIX в. была последним словом в историографии революции и одним из первых произведений о революции, с развернутым анализом которого можно было выступить в русской прессе. Характерно, что одно из первых в русской науке изложений истории революции было опубликовано Б.Н.Чичериным именно как рецензия на книгу Токвиля.⁵

Условия для «увлечения» идеями Токвиля возникли в русской либеральной науке, по мнению Б.Г.Вебера, только «с наступлением правительственной и общественной реакции, последовавшей за подавлением крестьянского движения конца 50-х—начала 60-х гг.», но именно в это время Токвиля критиковали не только революционные демократы, но и либералы, то есть «почвы для широкого и безоговорочного увлечения Токвилем не было еще даже в либеральных кругах».⁶ На наш взгляд, трудно согласиться с таким категоричным утверждением.

Во-первых, для подобного обобщения мы не располагаем достаточным количеством работ о Токвиле конца 50-х—начала 60-х гг. Практически известность получили лишь уже упомянутая рецензия либерала Б.Н.Чичерина и отклики на нее революционного демократа Н.Г.Чернышевского.⁷ При этом критика Чичериным Токвиля касается прежде всего вопроса о роли централизации и сильной государственной власти в революции. Естественно, что Чичерин, один из виднейших представителей государственной школы, выступил против принципа децентрализации, в защите которого Токвиль видел залог установления свободы.

Во-вторых, в конце 50-х гг. широкие круги русских либералов еще не были знакомы с произведением Токвиля. Это следует из цитируемого Вебером высказывания реакционного публициста И.А.Любимова, вспоминавшего о недоступности книг по истории революции, «отставленных» в университетских библиотеках «в особые шкафы».

Первый русский перевод книги Токвиля появился в 1860 г.⁸ И уже в 1861 г. М.Н.Петров в диссертации, посвященной новейшей историографии, критикуя Токвиля за умаление позитивных результатов революции, тем не менее восторженно пишет: «Токвиль..., соединяя беспримерную добросовестность в изучении материала с полным беспристрастием, доказал истину с математической очевидностью».⁹

В связи с вышесказанным нельзя утверждать, что отношение к Токвилю в русской либеральной историографии круто изменилось после реформы 1861 г. На наш взгляд, «безоговорочного увлечения» Токвилем не было ни в конце 50-х годов, ни позже, так как элементы критического осмысления идей Токвиля присутствовали во всех посвященных ему работах.

Русская либеральная историография — понятие достаточно широкое, чтобы подвести под него представителей различных политических ориентации. Оттенки перехода от правого крыла либералов к левому многообразны, различны и методологические позиции историков, их взгляды по конкретным вопросам истории революции. Поэтому в русской историографии всегда были и почитатели, и строгие критики Токвиля, но влияние идей «Старого порядка и революции» было огромным и на тех, и на других.

Для того чтобы проследить, как интерпретировалась концепция Токвиля в русской либеральной историографии, мы проанализировали произведения ряда историков, как стоявших на правом фланге либерализма (В.И.Герье, П.Н.Ардашев и др.), так и принадлежавших к его демократическому крылу (М.М.Ковалевский, Н.И.Кареев и др.).

Хронологически анализируемые произведения отстоят друг от друга на десятилетия. Тем не менее общие тенденции отношения к идеям Токвиля прослеживаются достаточно четко, что позволяет выделить некоторые проблемы, которые активно обсуждались и разрабатывались далее в русской науке.

Общая оценка значения книги Токвиля была в подавляющем большинстве положительной. Так, В.И.Герье считал, что с появления книги Токвиля начался «новый период в историографии французской революции», ему вторил В.А.Бутенко: «Токвиль — эпоха в историографии французской революции». Н.И.Кареев делил историографию революции на «дотоквилевский и послетоквилевский периоды». П.Г.Виноградов считал книгу Токвиля «лучшим введением к предмету и лучшим суждением о причинах и направлениях революции» П.Н.Ардашев отмечал, что «не все, что писали... после Токвиля о старом порядке цитируют Токвиля, но все... пишут «по Токвилю». «Родоначальником научного метода» называла Токвиля С.М.Глаголева-Данини.¹⁰

Существовали и противоположные мнения. Отрицали заслуги Токвиля, как правило, те историки, чьи выводы по конкретным вопросам истории революции расходились с выводами французского ученого. Ставилась под сомнение научная достоверность этих выводов — ведь в книге Токвиля нет точных ссылок на использованные архивные фонды, что осложняло проверку верности основных положений «Доктринерство и абсолютизм суждений идут у Токвиля рука об руку с элементарностью сведений, принятием тех или других ходячих положений на веру, без самостоятельного анализа и обследования», — считал М.М.Ковалевский. Ему возражал И.В.Луцицкий: «Токвиль был крайне осторожен в своих заключениях и утверждал лишь то, на что до некоторой степени давали ему право, хотя и немногочисленные, но прочные данные».¹¹

Идеи Токвиля получили в русской либеральной науке большее распространение, чем почти одновременно вышедший труд Г.Зибеля «История революционного времени». Причины этого в том, что классовая позиция Токвиля была более затушевана по сравнению с тенденциозными выводами Зибеля. Однако, отмечая «спокойный» токвилевский дух» (Кареев), «беспартийность» (Ардашев), «объективность... по чувству долга» (Виноградов), многие русские ученые достаточно верно определяли и партийную принадлежность и классовые позиции Токвиля. «Всякое сочинение есть не только дело индивидуального творчества, но и плод той эпохи, той теории, того мировоззрения, под влиянием которого писал историк», — указывал Герье и тут же признавал, что сквозь «строго научную» почву у Токвиля «пробивается элегическое сожаление о погибшем строе, заключавшем в себе среди феодальных развалин зародыши свободных учреждений».¹²

Называя Токвиля одним из основателей либерализма, ставя его в прямую связь с Монтескье и Мирабо, В.А.Бутенко считал, что, «если был бы выбор между аристократией и демократией, Токвиль, пожалуй, предпочел бы аристократию. Но остановить демократизацию общества нельзя», и Токвиль «понял, что попытка воскресить во Франции уничтоженные дворянские привилегии — совершенно безнадежное предприятие». Хотя симпатии Токвиля «склоняются явно на сторону аристократии», он, по мнению В.М.Устинова, «стоял за господство буржуазии». Токвиль — республиканец по необходимости, республиканец-консерватор», — указывал М.М.Ковалевский.¹³

Русские ученые неоднократно отмечали, с одной стороны, консерватизм Токвиля, с другой — его верность принципам либерализма; неоднозначность его классовой позиции, зиждившейся на компромиссе между буржуазией и, перефразируя Гизо, «побежденной аристократией, признавшей свое поражение».

Характеризуя политическую платформу Токвиля, русские историки в подавляющем большинстве считали достоверными приводимые Токвилем факты, что подтверждалось собственными архивными изысканиями ученых. Так, П.Н.Ардашев писал из Франции В.И.Герье, что своими глазами видел на полях архивных документов «пометы Токвиля».¹⁴

Какие же идеи Токвиля получили наибольшее распространение в русской историографии? Это, прежде всего, тезис о преемственности нового строя и старого порядка. С этим тезисом в принципе соглашались даже критики Токвиля (Б.Н.Чичерин, М.М.Ковалевский, В.М.Устинов). Чтобы вернее пояснить мысль Токвиля о «генетической» связи революции и старого порядка, русские историки образно сравнивали феодальные отношения с «бездушными руинами», над которыми «разразилась буря» (Петров), со «старыми стенами» (Кареев), с глиняной формой, внутри которой был уже отлит колокол (Герье). При этом революция включалась в общеевропейский преобразовательный процесс, длившийся почти три столетия: «Революционное движение направлялось против тех остатков старого феодального устройства, которые давно уже утратили всякий действительный смысл и благотворное значение, но продолжали тяготеть страшной тяжестью над европейским обществом, — писал В.К.Надлер. — В этом отношении революция закончила то, что было начато реформацией XVI века, монархическим абсолютизмом XVI и XVII столетий, просветительной философией XVIII в., реформами Фридриха Великого и его последователей в том же XVIII веке».¹⁵

Однако в трактовке причин революции и возможности ее предотвращения часть русских историков несколько расходилась с Токвилем. Вспомним слова Токвиля: «Революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позже мало-помалу кончилось бы само собой».¹⁶ Чичерин, соглашаясь с этим, считал, что «правительство своевременными преобразованиями всегда может предупредить переворот».¹⁷

В произведениях, написанных после буржуазных реформ, когда стало ясно, что эти реформы не сняли в России вопроса о революции, мы уже не встречаем такого оптимизма. Во Франции «даже Фридрих Великий со всеми его деловыми качествами не смог бы предотвратить революцию», — считал В.И.Герье. С ним соглашался В.В.Бауэр, указывая, что «во Франции по ходу ее истории нельзя было ожидать мирного переворота». Однако, признавая закономерность революции во Франции, русские либеральные историки упорно пытались доказать ее невозможность в России. «Революции снизу» противопоставлялись «революция сверху», реформы просвещенного абсолютизма. Франция, по словам Герье, «не знала просвещенного абсолютизма», так как в ней отсутствовали условия для успешной реформаторской деятельности. Однако в Восточной Европе «историческая молодость нации» и «несложность государственного организма» создавали условия для успешной деятельности просвещенных монархов, что предопределило якобы для России путь «революции сверху».¹⁸

В вопросе о признании закономерности революции русские историки были зачастую непоследовательны. Огромный фактический материал, собранный в архивах, подводил ученых к выводу о закономерности революции, но вывод этот снабжался рядом оговорок. Впрочем, это можно отнести и к самому Токвилю, в книге которого обоснование закономерности революции прослеживается, скорее, вопреки его желанию, под натиском упрямых фактов.

Признание в русской историографии тезиса Токвиля об эволюционности, постепенности и преемственности общественных преобразований породило ряд исследований по истории предреволюционной Франции. В них русские историки дополнили и далее развили историю «старого порядка» и исследование причин революции, предвосхищая в некоторых выводах новейшие исследования по данному вопросу.¹⁹

Следующей проблемой, поднятой Токвилем, был активно дискутировавшийся в русской историографии вопрос о степени централизации государственной власти в эпоху Старого порядка и о роли централизации в возникновении революции и установлении диктатуры Наполеона.

Полностью на стороне Токвиля был в этом вопросе П.Г.Виноградов: «Лучшей опорой политической свободы в демократиях служат децентрализация и местное самоуправление», а «стремление к прочному порядку во что бы то ни стало...» привело, по его мнению, к «демократической диктатуре» Наполеона.

Он настаивал на том, что «современная Франция унаследовала от старого порядка традицию сложной централизованной администрации», приняв как бы «железный инвентарь» административной машины», минуя все революции, и что «самые характерные условия французской жизни были медленно и прочно выработаны ранее 1789 года».²⁰ Сходными были взгляды на роль централизации у Герье и Кареева.

Не согласен с Токвилем в этом вопросе Чичерин. Однако если Чернышевский критиковал принцип децентрализации Токвиля слева, считая его стремлением к реакционной децентрализации, к пережиткам феодальной раздробленности²¹, то критика Чичерина носила откровенно консервативный характер.

Чичерин резонно вопрошал, «для чего же совершился такой страшный переворот в народной жизни, когда центральная власть и без того уже была так сильна», а «из книги Токвиля выходит, что существенный смысл и результат революции состояли в усилении центральной власти?»²² Или «...о централизации в нынешнем смысле невозможно говорить. Существовали зачатки централизации, но рядом с нею было многое, что ее уничтожало или ослабляло» (С.539). И в этом беда Франции, ибо, считает Чичерин, в «противоположность всем этим сословным и корпоративным элементам центральная власть одна являлась представительницею общего начала, государственного порядка, жизни всенародной. Она одна могла сообщить и уравнить сословия, дать защиту угнетенным, организовать правильную администрацию» (С.550). Идеализируя деятельность абсолютных монархов, Чичерин, своеобразно интерпретируя тезис Токвиля, считает, что именно их «долгая историческая работа выела всю внутренность старого средневекового здания, осталась блестящая скорлупа...» (С.560). «Возьмись Людовик XVI смелою рукою за преобразование государства...», — восклицает Чичерин (С.560), но «недостаток сильной центральной власти, которая могла бы сдерживать и направлять к единству враждебные друг другу элементы», привел к революции (С.575). И в конце Чичерин отмечает: «Если б центральная власть исполнила свое историческое назначение, французам, вероятно, долго бы еще не приходило в голову биться за свободу» (С.575). В этой критике, на наш взгляд, ясно видны охранительные мотивы и политическая тенденциозность Чичерина, высоко оценившего роль русского абсолютизма в развитии государства.

Ряд историков, соглашаясь с Токвилем в общей оценке роли централизации, расходился с ним в оценке могущества центральной администрации. Так, Ардашев считал, что влияние Парижа не было таким всеобъемлющим и провинциальные администрации были «более свободными в своих решениях, чем это указано у Токвиля».²³

Оценка роли централизации в возникновении и развитии революции была связана с оценкой деятельности партий жирондистов и якобинцев. Жирондисты как представители принципа децентрализации выступали у русских либералов сторонниками политической свободы, якобинцы же представлялись поборниками равенства, ставя «выше всего «государственный принцип», продолжили работу «государственных плотников» Людовика XIV по централизации страны.

В целом русские историки, как и Токвиль, считали, что революция дала французскому народу равенство, а не свободу, но они связывали это не с упадком дворянства, осуждая идеализацию Токвилем аристократии.

«Величавый в своем начале и своей цели исторический переворот» вызвал «печальные явления» вследствие неверного толкования якобинцами доктрины Руссо. Отсюда результаты якобинского периода революции оценивались русскими либералами отрицательно.²⁵

Наибольшие возражения со стороны русских историков встретили выводы Токвиля по социально-экономическим вопросам. Отдавая должное политической проницательности и исторической эрудиции Токвиля, Кареев критиковал его за «узость и односторонность» в освещении «экономической стороны жизни и социального вопроса».²⁶

Это касалось прежде всего освещения Токвилем аграрного вопроса, радикальное решение которого считалось одним из основных итогов революции. Поэтому вывод Токвиля о наличии мелкого крестьянского землевладения до революции долго служил доказательством «консервативности» и «контрреволюционности» французского ученого, оспорившего позитивные результаты революции. Спор о том, насколько тенденциозны были высказывания Токвиля по аграрному вопросу, начатый еще в конце XIX в., продолжился и в советской историографии. Не ставя задачи всестороннего освещения этого выходящего за рамки статьи вопроса, приведем убедительное, на наш взгляд, высказывание советского историка В.М.Далина: «Токвиль превосходно понимал все крупнейшие выгоды, которые принесла революция французской деревне. Констатация более значительной роли мелкой крестьянской собственности накануне революции продиктована была отнюдь не консервативными политическими взглядами, она вытекала из научного анализа имевшихся в его распоряжении сведений и документов».²⁷

История «аграрной» дискуссии, продолжавшейся в русской историографии более 10 лет, хорошо изложена и проанализирована в статьях С.М.Глаголевой-Данини и С.Д.Сказкина²⁸. Отослав к ним читателя за подробностями, вкратце напомним, что между крупнейшими русскими учеными — специалистами по аграрной истории Франции М.М.Ковалевским и И.В.Лучицким разгорелся спор по вопросу о том, считать ли цензитариев, то есть основную массу французских крестьян, собственниками или арендаторами. М.М.Ковалевский считал их арендаторами. И.В.Лучицкий на основе собственных архивных изысканий убедился в правоте А.Юнга и опиравшегося на его сочинение Токвиля, считавших крестьян собственниками земли. Н.И.Кареев вначале занимал «антитоквилевскую» позицию, но в позднейших работах согласился с тезисом Токвиля.

Талантливый публицист М.М.Ковалевский развернул в печати кампанию, направленную на дискредитацию выводов И. В. Лучицкого. Попутно он всячески умалял научные достоинства труда Токвиля. Аргументация обеих сторон была обставлена массой доказательств, основанных на анализе источников. Попытка разрешить этот спор была предпринята уже после смерти историков.

С.Д.Сказкин, тщательно проанализировав материалы дискуссии, привлёк дополнительные источники (труды февдистов) и довольно убедительно доказал, что «построения Ковалевского ... представляют чистейший вымысел, основанный на неправильном толковании источников» и «Лучицкий... был ближе Ковалевского к истине, называя, с одной стороны, цензитария собственником и утверждая, с другой, неприкосновенность и живучесть феодального порядка». «Революция не создала, а лишь освободила мелкую собственность», — делал вывод С.Д.Сказкин.²⁹

И после появления работ Сказкина в советской историографии предпринимались попытки поставить в вину Токвилю тенденциозность в освещении аграрного вопроса. Так, И.И.Фролова считала заслугой Кареева отрицание «теории дворянского историка Токвиля». Б.Г.Вебер полагал, что «самой сильной стороной книги Кареева («Крестьяне и крестьянский вопрос в последней четверти XVIII века». — *И. Т.*) являлось то, что она была фактически направлена против такого столпа французской либеральной историографии второй половины XIX в., как Токвиль, и его реакционного подхода к крестьянскому вопросу в период революции».³⁰ Однако сам Кареев уже в 1918 г. поддержал оспариваемый им ранее вывод Токвиля, считая неверным утверждение, «будто мелкая крестьянская собственность во Франции ведет свое происхождение от революции и обязана своим существованием распродаже национальных имуществ».³¹

Несмотря на то, что русские историки не сумели убедительно ни опровергнуть, ни доказать тезис Токвиля о наличии мелкой крестьянской собственности до революции, их работы по аграрному вопросу стали крупным вкладом в дальнейшее изучение Великой французской революции. В этом нам видится доказательство плодотворности дискуссий, разгоревшихся вокруг книги Токвиля.

Оценивая влияние идей Токвиля на развитие русской либеральной историографии, нельзя упускать из виду политическую, классовую подоплеку их популярности. Отрицание Токвилем целесообразности революционных методов, его враждебное отношение к народным движениям, превознесение им реформаторской деятельности, идей либерализма, обеспечивающих господство имущих классов — все это было взято на вооружение русской буржуазной наукой и использовалось для оправдания российского самодержавия. Идеи Токвиля широко интерпретировались в «русском варианте» для борьбы с пролетарским движением.

Таким образом, вольно или невольно Токвиль положил начало новой реакционной трактовке событий 1789 г., ярким примером которой можно назвать книгу «Происхождение современной Франции» И.Тэна, идеи которого также использовались русскими историками. Но, с другой стороны, начав разработку архивных источников, по-новому осветив ряд проблем революции, Токвиль, несомненно, оказал и благотворное влияние на последующий расцвет русской историографии Великой французской революции. Ардашев писал: «Книга Токвиля о «Старом порядке и Революции» внесла свежую струю в историческую разработку революционной эпохи. Она вызвала целый ряд монографических исследований, которые продолжали ... более деятельно и частью на основании новых материалов разрабатывать те вопросы, которые были либо только затронуты Токвилем, либо решены им в слишком общей и несколько как бы отвлеченной форме».³²

Отдавая себе отчет в консервативности концепции Токвиля, можно согласиться с мнением Е.В.Гутновой, что общее значение книги Токвиля этим не исчерпывается: «Дело в том, что для ее аргументации Токвиль привлек настолько обширный архивный материал и столь внимательно и глубоко его исследовал, что ему удалось, иногда вопреки собственным обобщениям, дать во многом верную картину «старого порядка» во Франции, а следовательно, в какой-то мере «предпосылок назревавшей революции».³³

В этом отношении, на наш взгляд, вопрос об анализе идей Токвиля требует дальнейшей разработки. Критика враждебных марксизму течений является, несомненно, важнейшим компонентом историографического анализа. Но в оценке Токвиля в советской историографии этот критический компонент долгое время преобладал без анализа позитивных моментов концепции французского историка. Уместно напомнить известные слова В.И.Ленина о том, что задача марксистов при изучении работ буржуазных профессоров — «ученых приказчиков буржуазии» - в том, чтобы «...суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками».. и *уметь* отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со *всей линией* враждебных нам сил и классов».³⁴

Пока же в оценке Токвиля преобладают не «усвоение» и «переработка», а односторонняя критика. Вряд ли можно согласиться с характеристикой Токвиля как «выразителя чаяний французского дворянства XIX в.», который считал, что результаты революции «были только отрицательные», что «капитализм и политическая власть буржуазии есть шаг назад по сравнению с феодализмом во Франции».³⁵

Более верное, на наш взгляд, определение научной значимости книги Токвиля мы встречаем в работах В.М.Далина, Л.П.Веремчук (Кустовой). Настало время не только констатировать консервативность позиций Токвиля и обвинять его в том, что его идеи интерпретируются буржуазными идеологами для борьбы с прогрессивной историографией, но и остановиться на раскрытии позитивных моментов его концепции, подробнее осветить те выводы Токвиля, которые получают дальнейшее развитие в новейших исследованиях. Назрела необходимость нового издания книги «Старый порядок и революция», ставшей библиографической редкостью.

Определенную помощь в осуществлении всестороннего изучения идей Токвиля могут оказать и произведения русской либеральной историографии, в которых содержатся попытки определения классовых позиций Токвиля, анализ его источниковой базы и критический подход к основным положениям. На примере этих произведений можно проследить механизм распространения новых исторических идей в общественной мысли, попытки интерпретации этих идей к российской действительности, что в целом побудило русских ученых к дальнейшим конкретно-историческим изысканиям по истории революции.

1 Подробнее см. Далин В.М. Историки Франции XIX—XX веков. М.: Наука, 1981. С.42—43; Кустова Л.П. Алексис Токвиль и современная французская буржуазная историография // Вопросы методологии истории и историографии: Докл. науч. конф. 1974. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. Вып.3. С.69—73; Веремчук Л.П. Идеино-методологические основы исторической концепции Алексиса Токвиля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. С.1—3.

2 Подробнее см.: Веремчук Л.П. Указ.соч. Т.8.

3 Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918. С. 25.

4 Вебер Б.Г. Историографические проблемы М.: Наука, 1974. С.237.

5 Чичерин Б.Н. Новейшие публицисты. Токвиль // Отечественные записки. 1857. Т.СХIII. С.501—582. Текст почти без изменений воспроизведен в кн: Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции, М, 1858, С.156—273.

6 Вебер Б.Г. Указ.соч. С.234—235.

7 См.: Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч. Т.5. М., 1949 С.666—667.

8 Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1860. Позже книга издавалась в разных переводах в 1896, 1898, 1906, 1918 гг.

9 Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861. С.277.

10 Герье В.И. Французская революция 1789—95 гг. в освещении И.Тэна. Спб, 1911. С.5, 7; Бутенко В.А. Политическое учение Токвиля // Вестник Европы 1910 № 12. С.187; Кареев Н. И. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Л., 1924. С.6, Виноградов П.Г. Предисловие // Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1898 С.5; Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1779. Т.1. Спб, 1900. С.12; Глаголева-Данини С.М. Научное изучение Великой французской революции // Анналы. 1922 № 2. С.46.

11 Ковалевский М.М. Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах // Вестник Европы. 1893. № 7. С.103; Лучицкий И.В. Вопрос о крестьянской собственности во Франции до революции и продаже национальных имуществ (отчет о командировке за границу). Киев, 1894. С.4.

12 Герье В.И. Указ.соч. С.2, 8.

13 Бутенко В.А. Указ.соч. С.185, 199, 214; Устинов В.М. Учение о народном представительстве. М.: Печатное Пр-во, 1915. Т.2. С.122, 141; Ковалевский М.М. Указ.соч. С.115.

14 Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина. Ф.70, п.36, ед.хр.46—49.

15 Надлер В.К. Лекции по истории французской революции и империи Наполеона (1789—1815), изданные в обработке проф. В.П.Бузескула. Харьков, 1898. С.10—11.

16 Токвиль А. Указ.соч. С.25.

17 Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. С.244.

18 Герье В.И. Республика или монархия установится во Франции // Сборник государственных знаний / Под ред. В.П.Безобразова. Спб.: Тип. В.Безобразова, 1877. Т.3. С.162—167; Лекции по новой истории проф. В.В.Бауэра, читанные в С.-Петербургском университете. Спб, 1886. Т.2. С.410.

19 См. Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции...;

Кареев Н.И. Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава, 1881; Он же. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879; Лучицкий И.В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции преимущественно в Лимузене. Киев, 1900; и др.

20 Виноградов П.Г. Предисловие // Токвиль А. Старый порядок и революция. С.6; Он же. Итоги XIX века // История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. Спб, 1907. Т.8. С.250.

- 21 Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М.: Худож. лит., 1949. Т.5. С.666.
- 22 Чичерин Б.Н. Новейшие публицисты. Токвиль. С.506. Далее указание страниц этой работы в тексте.
- 23 Ардашев П.Н. Указ.соч. С.12
- 24 Кареев Н.И. История Западной Европы в новое и новейшее время. Спб 1893. Т.3. С.13.
- 25 Герье В.И. Понятие о народе у Руссо // Русская мысль. 1888. № 5. С 212
- 28 Кареев Н.И. Предисловие // Эйхталь Е.Д. Алексис Токвиль и либеральная демократия. Спб.: XX век, 1902. С.5, 6.
- 27 Даля В.М. Указ.соч. С.58—59.
- 28 Глаголева-Данини С.М. Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху Великой французской революции // Анналы. 1922. № 1. С.62—83; Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензуре // Средние века. 1942. № 1. С.185—202; Он же. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII в. // Европа в новое и новейшее время. М.: Наука, 1966. С.97—114.
- 29 Сказкин С.М. Февдист Эрве... С.189, 193; Он же. Спорные вопросы. С.104.
- 30 Фролова И. И. Значение исследований Н. И. Кареева для разработки истории французского крестьянства и эпоху феодализма // Средние века. 1955. Вып.7. С.321, 325—326; Вебер Б.Г. Первое русское исследование Французской буржуазной революции XVIII в. // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С.649.
- 31 Кареев Н.И. Великая французская революция. Пг., 1918. С.211.
- 32 Ардашев П.Н. Выдающиеся новейшие историки Токвиль // Вестник и Библиотека самообразования. 1903. № 11. Стр.515.
- 33 Гутнова Е.В. Историография истории средних веков М: Высш. шк.. 1974 С.143.
- 34 Ленин В.И. Эмпириокритицизм и исторический материализм // Полн.собр.соч. Т.18. С.364.
- 35 Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М., 1949. С.12, Он же. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII в.—первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. С.207.

См. также:

Николай Иванович Кареев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#kareev>
Николай Михайлович Лукин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#luk>
Вячеслав Петрович Волгин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg>
Алексис де Токвиль <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#altqv>
Владимир Иванович Герье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#gerie>

С. А. Исеев (Ленинград)

ЧТО А. ТОКВИЛЬ НАЗЫВАЛ ДЕМОКРАТИЕЙ?

Терминология — это совокупность терминов, то есть слов, соответствующих наиболее важным понятиям, которыми оперирует определенная наука, научная школа или даже всего один ученый. Когда историк встречается в тексте знакомый термин, он обычно понимает его в том смысле, в каком и сам мог бы употребить, когда же встречается термин незнакомый, то обычно считает достаточным справиться о нем в словаре. Но в словарях часто не отражены те семантические оттенки, которые историку могут быть чрезвычайно важны и которые только историк и может выявить. Например, американский ученый Давид Гехт сделал попытку рассмотреть взгляды Бакунина на федерализм. Он не учел, однако, что и романоязычных странах, прежде всего Франции, Мексике и Аргентине, федералистами называют сторонников широкой автономии департаментов, штатов и провинций, а в США, наоборот, — сторонников сильной власти центрального правительства. Бакунин придерживался романской традиции, даже когда писал о США, а Гехт — американской традиции, даже когда писал о Бакунине. Терминологическая неразбериха привела к полному обесмысливанию проделанной работы.¹

У незначительных, эклектически мыслящих авторов понятия «работают» в хаосе, у мыслителей последовательных и значительных — всегда в системе. Выявить эту систему и место понятия в ней не так уж сложно, однако такие изыскания нельзя считать только историческими: они находятся на стыке истории с философией и филологией. Междисциплинарные барьеры сродни ведомственным: они отпугивают. Но пока в значение терминов не внесена ясность, историческое исследование не может сделать ни шагу без риска впасть в грубейшие ошибки.

Изучая трактат Алексиса Токвиля «О демократии в Америке» — интереснейший памятник исторической мысли первой половины XIX в., необходимо прежде всего выяснить, что Токвиль называл демократией. «Демократия» — ключевое понятие для всех его произведений. Сам он никак его не определял. Но современному читателю содержание этого термина необходимо осмыслить через термины современной социологии. По мнению Марвина Мейерса, эта задача очень трудна. «Демократия» столь полна парадоксов, что небрежный читатель склоняется к подозрению, что или у автора путаница в голове, или он очень своевольный чудак». ² По мнению В.Г.Каленского, это невозможно: «Токвиль настолько увлекается каждым отдельным фрагментом своей книги, что зачастую опровергает самого себя, нисколько не утруждаясь устранением явных противоречий в своих высказываниях. Весьма произвольно оперирует Токвиль и основными понятиями, употребляя их в разных значениях». ³

Многие авторы понимают под токвилевской «демократией» то, что называют демократией они сами. Леонард Уайт, чье сочинение о «джексоновской демократии» вышло в пору воеводства «консенсусной» школы, но написано еще вполне в «прогрессистском» духе, трактует демократию как полную сменяемость всех назначаемых президентом чиновников и случае, если новоизбранный президент принадлежит к другой партии. Он заявляет: «На демократии, а не на исполнительной власти либо бюрократической структуре, — вот на чем так заострил внимание молодой Токвиль, когда в 1831 г. совершал свое путешествие по США». ⁴ Р.Ф.Иванов пишет: «Токвиль в своем сочинении с полным основанием отмечал ограниченность «американской демократии». ⁵ В.В.Согрин, приводя слова Токвиля: «Великое преимущество американцев в том, что они вступили в демократию, не претерпев демократических революций, и были рождены равными, вместо того, чтобы ими стать» ⁶, называет это высказывание «ветхозаветным». ⁷ Такой подход, как видим, дает повод и для хвалы, и для критики, но едва ли приводит к правильному пониманию.

У Маркса и Ленина, как и у Аристотеля, Макиавелли, Гегеля, так же как и у подавляющего большинства современных авторов, понятие «демократия» характеризует определенный политический строй, который может сочетаться с разными социальными системами (античным рабством; капитализмом, социализмом). У Токвиля, наоборот, понятие «демократия» скорее социальное, чем политическое. ⁸ Еще опытный книголюб Джон Стюарт Милль заметил: «Под демократией Токвиль разумеет равенство сословий, отсутствие всякой аристократии, основывается ли она на политических привилегиях или на превосходстве личного значения и социальной силы» ⁹. В дальнейшем в специфичность токвилевского понятия сочли нужным вникнуть Джеймс Шляйфер ¹⁰, Уильям Нельсон ¹¹, особенно Л.П.Кустова (Веремчук). Исходя из того, что мировоззрение французского мыслителя не претерпевало заметной эволюции ¹², попробуем, сравнивая его высказывания, определить содержание, которое вкладывал Токвиль в термин «демократия».

Согласно Токвилю, Франция идет, «может быть, к деспотизму, может быть, к республике, но во всяком случае к демократическому устройству общества». ¹³ США в этом Францию обогнали: «Общественный строй американцев в высшей степени демократичен». ¹⁴ Итак, демократия — не политический, а социальный строй. Возникает вопрос: какому другому социальному строю ее можно противопоставить?

Красной нитью через все книги Токвиля проходит противопоставление демократии и аристократии. Может быть, аристократия — это феодализм, а демократия — капиталистический строй? Не так все просто: Англию XVIII в. и даже начала XIX в. Токвиль считает еще во многом аристократической страной; американские федералисты А.Гамильтон, Дж.Кент, Дж.Маршалл для него тоже аристократы¹⁵, наоборот, Франция кануна Великой французской революции для него страна уже во многом демократическая.¹⁶ Значит, и при феодализме бывает демократия, и при буржуазном строе — аристократия. По Токвилю, демократия, даже после крушения феодализма, — не отсутствие классов. «В века демократии, просвещения и свободы у людей нет ничего, что бы их разделяло или закрепляло на своем месте; они возвышаются и понижаются с необыкновенной быстротой. Все классы постоянно видят друг друга, почему что все они очень близки. Они ежедневно сообщаются и перемешиваются, подражают и завидуют друг другу».¹⁷ Токвиль, очевидно, считает демократию неким социальным субъектом: у него часто встречаются выражения вроде «в странах, где управляет демократия».¹⁸ Сравнивая две последние цитаты, получаем, что демократия — это классовая амальгама, состоящая безразлично из каких классов, но никогда не статичная, всегда текучая. То, что Токвиль часто называет демократией мелкобуржуазное общество, такому пониманию демократии не противоречит, ведь «средний класс никогда не составляет замкнутого сословия».¹⁹

Правда, из других высказываний Токвиля как будто следует, что «демократия» была для него характеристикой также и политического строя. «Америка есть страна демократии. Поэтому федералисты всегда были в меньшинстве»: федералисты — «это партия, желавшая ограничить власть народа».²⁰ Но почему же тогда, подробно говоря о господстве в Америке принципа народного суверенитета, Токвиль ни разу не называет его демократическим принципом?²¹ Недоумения такого рода полностью разрешает высказывание Токвиля о Наполеоне I: «Автором нашего гражданского законодательства был человек, видевший свою выгоду в удовлетворении демократических устремлений своих современников во всем, что не было прямо и непосредственно враждебно его власти. Он охотно позволял, чтобы некоторые популярные принципы регулировали имущественные отношения и управляли семейными, лишь бы не пытались применить их к управлению государством. В то время как демократический поток захлестнул гражданское законодательство, он надеялся легко сохранить свое положение в убежище политического законодательства. Этот расчет был преисполнен ловкости и эгоизма, но подобный компромисс не может быть прочным, поскольку в конечном счете политическое общество не может не превратиться в выражение и образ гражданского общества, и именно в этом смысле можно сказать, что для народа нет ничего более политически значимого, чем гражданское законодательство»²². То есть, по Токвилю, демократия сначала проявляется в гражданском обществе, но рано или поздно проникает и в политическое общество (государство). Аналогично и добродетель, возникая в гражданском обществе, затем проникает в государство, становясь правом.²³

Отношения между гражданским обществом и государством впоследствии практически так же рассматривал и Маркс.²⁴ Это неудивительно: знаменитая концепция Фергюсона—Гегеля была воспринята как марксизмом, так и буржуазной политологией, Токвилем в том числе. По Марксу, развитие производительных сил и производственных отношений приводит в движение сначала гражданское общество (базис), а затем политическое общество (государство, надстройку), осуществляя переход от изжившей себя формации к более прогрессивной. Где у Маркса формации, там у Токвиля аристократия и демократия, а прогресса нет: переход от аристократии к демократии Токвиль описывает не как прогресс и даже не как регресс: это упадок. Для полноты сравнения остается выяснить, что же, по Токвилю, является первопричиной движения общества от аристократического к демократическому устройству.

Все начинается с житейских мелочей и с абстрактных помыслов, за которыми как будто ничего реально важное не стоит: «Почта приносит свет на порог хижины бедняка, так же как и к дверям дворца; протестантизм утверждает, что все люди равно способны найти дорогу к небу».²⁵ Люди начинают иначе воспринимать время, так что «собственник и арендатор находятся в смутном ожидании какого-нибудь внезапного и непредвиденного изменения в их положении»²⁶, и в результате за многие десятилетия до революции резко увеличивается арендная плата и сокращаются сроки аренды. Демократию подготавливают определенные чувства, стремления и страсти: «демократическое чувство зависти»²⁷, «стремление к материальным наслаждениям»²⁸, «страсть к равенству во всем».²⁹ Демократические и аристократические страсти приводят к созданию политических партий соответствующей окраски.³⁰ Аристократические и демократические общества по-разному относятся к труду, религии, театру, прессе, семье, по-разному понимают мужество и честь, а их армии не только различны по духу, но и характеризуются разной боеспособностью.³¹ Для аристократии при наследовании характерен майорат, для демократии — раздел земли равными долями.³² При аристократическом строе должности не оплачиваются, при демократии — непременно оплачиваются³³, причем в глазах демократии правительство — не благо, а неизбежное зло, и наоборот.³⁴ Поскольку проявления различий между аристократическим и демократическим обществами колоссально разнообразны, их корни столь же глубоки, как у деревьев с мощной кроной. На это Токвиль указывает прямо: «В общественном устройстве всех народов, каково бы оно ни было, всегда есть такой пункт, относительно которого законодатель вынужден бывает положиться на здравый смысл и нравственную силу граждан. Этот пункт ближе и заметнее в республиках, более удален и скрыт в монархиях, но где-нибудь он всегда существует. Нет такой страны, где бы закон мог все предвидеть и где бы учреждения могли заменить собою разум и нравы».³⁵ Господство аристократических или демократических нравов определяет весь характер общества. Чтобы «дать человеческому уму известную высоту», людям — глубокие убеждения и готовность к громадным жертвам, чтобы обеспечить процветание искусств, чтобы данный народ оставил глубокий след в истории — для всего этого необходим аристократический строй. «Но если вам кажется полезным обратить умственную и моральную активность человека на нужды материальной жизни, использовать ее на создание материального благосостояния; если вам кажется, что рассудок людям выгоднее гения; если ваша задача — создать не героические доблести, а мирные привычки; если вам больше нравится видеть пороки, нежели преступления, и вы предпочитаете, чтобы было меньше великих деяний при условии, чтобы меньше встречалось и злодейств; если, вместо того чтоб действовать в среде блестящего общества, вам достаточно жить в среде общества благополучного; если, наконец, по-вашему, главное назначение правительства состоит не в том, чтобы придать нации как целому возможно больше силы и славы, а в том, чтобы обеспечивать каждому индивидууму, ее составляющему, максимум благосостояния и вовсе избавить ее от нищеты — тогда уравнивайте социальные состояния и устанавливайте правление демократии».³⁶

Токвиль не скрывает, что если бы он мог выбирать, при каком строе жить, то выбрал бы аристократию. Но в реальности выбора нет, потому что торжество демократии неизбежно. Как политический мыслитель, он сосредоточил все внимание на том, как добиться, чтобы политическим выражением демократии стала свобода³⁷, а не деспотизм.³⁸ Это исходный пункт его хорошо разработанного политического учения, своеобразие которого, между прочим, в том, что Токвиль не придавал значения форме государственного устройства. В молодости он по семейной традиции был легитимистом, в 1830 г., вопреки протестам близких, принес присягу Луи Филиппу» а с конца 1848 г. по тактическим соображениям стал республиканцем, оставшись им и в годы Второй империи.

«Изменения нравов» Токвиль в истории наблюдал, но не пытался объяснить их более глубокими причинами и только «испытывал некоторого рода религиозный ужас» перед этим «провиденциальным фактом».³⁹ Итак, изменение нравов, или, говоря современным языком, общественной психологии, или коллективного подсознания, — вот первичный фактор движения общества.

«Аристократия» и «демократия» для Токвиля — как бы два архетипа материальной и духовной культуры, различие которых он прослеживает и в формах собственности, и в отношении к наследию античности, и даже в архитектурном стиле.⁴⁰ Этого достаточно, чтобы предположить, что Токвиль не принадлежал ко всемирно-исторической школе, основанной Гегелем, Сен-Симоном и классиками марксизма, а был мыслителем культурно-исторической школы, подобно Полибию, Вико, К.Леонтьеву и Тойнби-младшему. Так, по Токвилю, для Европы и США деспотизм — худшее из зол, но для народов Латинской Америки он может быть и благом.⁴¹ Американцы и русские — два народа, диаметрально противоположные по характеру, которые разными путями идут к эпохе, когда каждый из них будет держать в своих руках судьбу половины мира.⁴² Подобные высказывания у мыслителя всемирно-исторической школы совершенно невозможны, просто бессмысленны! Следовательно, остается причислить Токвиля к культурно-исторической школе, для которой такие рассуждения в порядке вещей. И в самом деле, дуализм понятий «аристократия»—«демократия» удивительно напоминает дуализм «культура»—«цивилизация» в позднейших теориях Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби-младшего. Шпенглер описывал «цивилизацию» в довольно специфических выражениях, но по содержанию его «цивилизация» очень близка «демократии» Токвиля.⁴³

Переход от аристократии к демократии Токвиль называет революцией. У него это понятие никак не связано с общественным прогрессом и окрашено личной неприязнью, но, как и у Маркса, характеризует перерыв не политической, а социальной эволюции. Именно поэтому Токвиль придерживался очень широкого толкования демократической революции, которую для Франции с его слов можно датировать приблизительно 1750—1870 гг.: «1830-м годом закончился этот первый период наших революций, или, вернее, нашей революции, потому что у нас была, среди различных переворотов, только одна революция, начало которой видели наши деды, а конца которой мы, по всему вероятно, не увидим».⁴⁴

Мы рассмотрели «демократию» Токвиля в системе таких понятий, как «гражданское общество», «политическое общество», «аристократия», «революция», «равенство»⁴⁵, «деспотизм» и «свобода». Теперь можно уточнить определение Дж.С.Милля. Токвиль называл демократией такой общественный строй у народов Европы и Северной Америки, при котором отсутствуют жесткие сословные грани, основанные как на политико-правовых привилегиях (то есть феодальные сословия), так и на превосходстве личного значения и социальной силы (то есть буржуазная олигархия), который соответствует нормальному буржуазному обществу домонополистической эпохи и который возникает в результате крушения аристократического строя вследствие «упадка нравов» и общего кризиса культуры, со временем создавая себе адекватное политическое выражение: в худшем варианте — это деспотизм, в лучшем — свобода.

1 Hecht D. Russian radicals look to America. 1825—1894. Cambridge (Mass.), 1968. P.63.

2 Meyers M. The Jacksonian persuasion. Politics and belief. Stanford, 1957. P. 28.

3 Политические учения: история и современность. М., 1979. С.73.

4 White L. The Jacksonians. A study in administrative history. 1829—1861. New York, 1956, P.552—553.

5 Иванов Р.Ф. Предисловие // Маккарти Ю. Вновь посетив Америку... М, 1981. С.7.

6 Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897. С. 412; Tocqueville A De la democratic en Amerique. Paris, 1864. Т.3. P.167.

7 Согрин В.В. Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980. С.39.

- 8 Кустова Л.П. Концепция буржуазного общества в системе исторических взглядов А.Токвиля // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1983. Вып. 17. С. 133.
- 9 Милль Дж.С. Рассуждения. Спб., 1864. Ч.2. С.198.
- 10 Schleifer J.T. The making of Tocqueville's «Democracy in America». Chapel Hill (N.C.), 1980. Chap.19. :
- 11 Nelson W.E. The roots of American bureaucracy. 1830—1900. Cambridge (Mass.), 1982.
- 12 Строго говоря, полное отсутствие эволюции для любого, кто живет в меняющемся мире, невозможно. Имеется в виду, что взгляды Токвиля никогда не менялись настолько, чтобы свои прежние суждения он начинал рассматривать как ошибочные применительно не только к новым условиям, но и ко времени, когда они были впервые высказаны.
- 13 Токвиль А. О демократии в Америке. С.158.
- 14 Там же С. 35.
- 15 Там же. С.143—144.
- 16 Токвиль А. Старый порядок и революция. Спб., 1906. С.24. Изучив архивные документы кануна Великой французской революции, Токвиль пришел к убеждению, что «демократизация» Франции началась раньше, чем он думал в молодости
- 17 Токвиль А. О демократии в Америке. С.367.
- 18 Там же. С.108
- 19 Токвиль А. Воспоминания. М., 1893. С.83.
- 20 Токвиль А. О демократии в Америке. С.141.
- 21 См. там же С. 41—43
- 22 Токвиль А. О демократии в Америке. С.473 (примечание); Tocqueville A. Op.cit. Т.3. Р.312.
- 23 См.: Токвиль А. О демократии в Америке. С.193.
- 24 См.: Маркс К. К критике политической экономии // Марке К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С..
- 25 Токвиль А О демократии в Америке. С.3
- 26 Там же. С.468—470.
- 27 Там же. С.225.
- 28 Там же. С.440.
- 29 Там же. С.3.
- 30 См.: там же. С.143.
- 31 См.: там же. С.341—574.
- 32 См.: там же. С.36—37.
- 33 См.: там же. С.164.
- 34 См.: там же. С.163,
- 35 См. там же. С.95.
- 36 Там же С.199—200; Tocqueville. Op.cit. Т.11 Р.132—133
- 37 Свобода (по Токвилю) — это «возможность делать без страха то, что справедливо и хорошо» — Токвиль А. О демократии в Америке. С.33
- 38 Деспотизм (по Токвилю) — это такое государственное устройство, при котором отсутствует разделение властей, все равно, будь то «абсолютное правление одного человека» или «деспотизм собрания» (например, Конвента). — Schleifer J.T. Op.cit. Р.173,
- 39 Токвиль А. О демократии в Америке. С.4,
- 40 См.: Brunlus T. Alexis de Tocqueville: The Sociological Aesthetician Uppsala, 1960.
- 41 См.: Токвиль А. О демократии в Америке. С.84
- 42 См.: там же. С.340.
- 43 «Цивилизация означает такую степень культуры, на которой традиция и личность утратили свое непосредственное значение и где всякую идею приходится в первую голову мысленно переводить на деньги, чтобы иметь возможность ее осуществления. Вначале имели имущество, потому что обладали могуществом. Теперь могущество определяется деньгами. Только деньги возносят ум на престол. Демократия представляет законченное уравнивание денег с политической властью». — Шпенглер О. Деньги и машина. Пг, 1922, С.41—42.

44 Токвиль А Воспоминания. М., 1893. С.10. Токвиль умер в апреле 1859 г.

45 У Токвиля «равенство» и «демократия» — синонимы.

См. также:

Алексис де Токвиль <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#altqv>

А. В. Ковыршин (Орел)

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д.-Г.БАЙРОНА

Великая французская революция кардинально изменила жизнь мирового сообщества, по крайней мере большей его части, ориентированной в своем развитии на Европу. И дело не только в том, что наполеоновские солдаты проложили путь для развития нового строя на континенте. Революция существенно откорректировала те направления, по которым проходила эволюция ментальных процессов в Европе. Прежде всего, имеется в виду трансформация просвещения в романтизм. Исследовать эту проблему в рамках одной статьи невозможно. Речь пойдет о том, как изменение менталитета проявилось в мировоззрении Д.-Г.Байрона, чье творчество с наибольшей полнотой выражает идею романтизма.

Поэзия по своей природе есть дологическое сознание реальности («образ существует до мысли»¹), а стало быть, глобальные изменения духа будут зафиксированы раньше всего и с наибольшей полнотой в творчестве поэта.² Тем более, что «искусство рождает новые формы мышления».³ Байрону как «идеологу нового духа 19 века»⁴ суждено было соединить силу поэтического воздействия с «трезвым пониманием современных проблем».⁵ Поэтому изучение проблемы влияния французской революции на социально-философские взгляды Байрона могло бы дать интересный материал для понимания величайшей революции в истории европейского менталитета — появления романтизма.

«Одной из причин, — отмечает М.Н.Розанов, — породивших так называемую поэзию «мировой скорби», являлась, несомненно, реакция, глушившая самые благородные надежды и создававшая атмосферу разочарования и апатии».⁶ Но именно такой социально-психологический фон сделал тему не свободы вообще, а свободы личности центральной. Свобода в сознании творцов идеала революции и ее участников — неясный туманный образ такого положения человека в будущем, при котором он не испытывает гнетущего давления социальной среды, бессилия перед всепроникающей системой власти. Свобода понималась как право на политическую защиту общественного мнения и частных интересов от произвола деспотии. Разграничение интересов гражданского общества и государства введением республиканского правления (Руссо) или разделением властей (Монтескье) казалось достаточным для достижения столь страстно желаемой цели. Эту веру восприняли от просветителей и первые английские романтики. В.Вордсворт, например, «идентифицировал республику и свободу»⁷ (до 1794 г. — А.К.). Понадобился кровавый террор последних лет революции, огосударствление общества при Наполеоне, чтобы понять необходимость защиты не только общества от государства, но и личности от общества.

Недопонимание столь сложной проблемы накануне революции было запрограммировано особенностями менталитета эпохи Просвещения. «Индивид Просвещения, — пишет М.А.Барг, — типичный продукт буржуазного самосознания, он в такой степени изначально сущее, что общество оказывается только образованием вторичным, производным от его «интересов», воли и разума. Индивид по своей природе неизменен со дня творения, равно как и шкала регулирующих его поведение ценностей».⁸ У Байрона личность—это продукт общественного развития, непрерывно меняющийся в мире, который лишен стабильности.

Лет семьдесят привыкли мы считать
Эпохою. Но только в наши годы
Лет через семь уж вовсе не узнать
Ни правящих народом, ни народа.⁹

Из этого мироощущения, видимо, и возникает понятие развития, полностью отсутствовавшее в XVIII в. и ставшее фундаментальным для исторической мысли XIX в. Байронисты разных поколений говорят, что поэту было присуще «сильное, богатое поэтическими образами чувство истории».¹⁰ Так, он считал, что прошлое следует воспроизводить на сцене как можно более аккуратно, имея -в виду не внешние атрибуты, а точное понимание условий, заставляющих поступать исторические персонажи так, а не иначе.¹¹

Сильнейшее воздействие на формирование понятия развития, так же как и на изменение историософской парадигмы Просвещения в целом, оказали те события Великой французской революции, которые обнажили факт исторической (а не природной) детерминированности общественного развития. Тем более, что практика революции решительно вынесла обвинительный вердикт вере просветителей в безграничную силу разума вообще и разум законодателей в частности. Эмпирической основой для этого вывода стало противоречие между намерениями якобинцев и логикой развития последнего года революции.

Перед современником этих событий, способным к их осмыслению, но воспитанным на идеях просветителей, были поставлены как минимум три вопроса: 1. Способна ли индивидуальная воля к рациональному и беспредельному вмешательству в ход событий? Какова роль личности в истории? 2. Так ли изначально «от природы» чист и нравствен человек? 3. Определяется ли общественная организация «интересами» индивида? Каким должно быть соотношение интересов личности и общества?

1. Негативный ответ на первый вопрос закономерно вытекает из опыта Великой французской революции. Рационализм в политике предполагает способность человека предвидеть и созидать свое будущее. События той бурной эпохи не оставили камня на камне от этой веры, ибо были достигнуты результаты, прямо противоположные декларированным целям. Человек ощутил свое бессилие перед стихией, но не природного, а общественного происхождения. Провиденциализм был пройденным этапом, следовательно, воле индивида как определяющему фактору общественного развития оставалось противопоставить только одно — веру в действие естественно-исторических законов.

Тысячелетья длится рожденье,
Ее низвергнуть — нужен час один,
И не вернут ей отошедшей славы
Ни дальновидный ум, ни злата звон лукавый.¹²

В последней строке отказ от убеждения просветителей в способности человека определять ход истории. А ниже — байроновский вариант ее объяснения.

Вернемся к людям! Истина таится
В ее твореньях, да еще в твоих,
Природа — мать!...¹³

Байрон ясно представлял опасность «волевого» вмешательства в ход событий, бесперспективность претензий любой, самой выдающейся личности на роль демиурга исторического процесса. Отсюда логически вытекает мысль о «подчинении личных интересов общему благу».¹⁴ Для того чтобы убедиться в этом, рассмотрим проблему взаимоотношений великой личности и общества, которая занимает особое место в творчестве Байрона.

Нет сомнений в том, что актуализация темы произошла под воздействием событий революции и 15-летней наполеоновской эпопеи. Революция повлияла на само определение понятия «великая личность». Хотя романтизм был, до некоторой степени, возрождением многих элементов ренессансного мировидения, с понятием «великая личность» этого не произошло.

В отличие от деятелей эпохи Возрождения Байрон предельно сужает поприще, на котором человек может обрести историческое бессмертие. В глазах Байрона искусство, поэзия — занятия, недостойные великого человека, — паллиатив подлинной деятельности. «Кто стал бы писать, если бы имел возможность делать нечто лучшее? ... Действия, действия, — говорю я, — а не сочинительство, особенно в стихах».¹⁵

С другой стороны, революция перечеркнула и просветительский идеал героя. В сознании идеологов Просвещения исторический процесс был неким подобием политического и военного спектакля, «в котором происходила произвольная игра, столкновение склонностей, страстей и мотивов очень узкой прослойки государственных мужей».¹⁶ Народный вождь, выражающий чаяния масс, стал идеалом эпохи, идеалом Байрона. Он писал: «Быть первым человеком в стране — не диктатором — не Суллой, а Вашингтоном или Аристидом — первым по дарованиям и любви к истине — это почти то же, что быть богом! Франклин, Пенн, вслед за ними Брут или Кассий — даже Мирабо — или Сен-Жюст»¹⁷.

Роль народных масс в истории по-настоящему осознается только современниками этой эпохи — конца XVIII в.—начала XIX в. Причина, видимо, в том, что Великая французская революция открыла эпоху революционного обновления мира — эпоху народных революций, когда именно массы вышли на арену исторического творчества. На срок одного-двух поколений стабильный, казавшийся незыблемым мир превратился в сплошную череду войн, революций, попыток наступления контрреволюции и вновь революций. Когда казалось, что Венский конгресс восстановил «дурацкую систему равновесия в Европе»¹⁸, началась новая революционная волна — 1820—1821 гг. Революции в Испании и Португалии, попытка карбонариев захватить власть в Неаполе, восстание в Сицилии, борьба народов Валахии, Молдавии, Греции.

В сознании Байрона все это стало еще одним подтверждением его веры, с одной стороны, в революционность народных движений, а с другой — в бессилие вождей, действующих вразрез с интересами масс. Получив известие об отречении Наполеона от престола, Байрон записал в своем дневнике:

«Я знал, что они (вожди. — А.К.) немного весят на весах человеческих судеб, но думал, что в их живых телах больше каратов. Увы! Царственный алмаз оказался с изъяном и едва ли пригодится теперь даже стекольщику, а историк не оценит его и в дукат».¹⁹ Когда Байрон прочитал в одной из пародий о том, что «его зловерные сочинения оказывают на общество влияние», то отреагировал так: «Подобно мухе в басне я, как видно, сел на колесо, вздымающее много пыли, но в отличие от упомянутой мухи, не утверждаю, что всю эту пыль вздул я».²⁰

Один из наиболее интересных исследователей байронизма Д.П.Воткинс убеждает нас в том, что Байрон осознавал — любая попытка изменить общество должна опираться на включение в действие мощных общественных сил. Человек же обязан повернуться лицом к социальной жизни, если общество нуждается в изменениях. Эти идеи байроновских исторических пьес Д.П.Воткинс называет «фундаментальными».²¹

Стоит, видимо, оговориться, что подобного рода оценки — результат развития байронистики совсем недавнего времени — 70—80-х гг. нашего века. До этого проблема взаимоотношений личности и общества представлялась в ином свете. И дело здесь не в интересе к сугубо историографическому вопросу, а в том, что восточные поэмы Байрона, действительно, дают материал для иного истолкования данной темы. Так, например, Б.Рассел писал, что «романтический герой, особенно в его байроновском варианте, — это склонный к насилию, антисоциальный, анархический бунтарь или побеждающий деспот».²²

К сожалению, большинством исследователей Байрон рассматривался в статике. И поэтому для объяснения позднего Байрона Б.Рассел считает возможным использовать цитаты из писем студенческих лет (выделено нами в следующем приложении):

«Он (Байрон. — А.К.) в последующие годы написал очень много благородных стихов, восхваляя свободу, но следует понять, что свобода, которую он восхвалял, была свободой немецкого князя или вождя чероки».²³ Молодой Байрон, действительно, мог «разразиться истерическими слезами»²⁴, услышав впервые почетный эпитет «dominus» рядом со своей фамилией, после того как получил титул лорда. Мог радоваться красивой военной «аристократической» форме и пренебрежительно отзываться о выходцах из народа.²⁵ Но все это было не более чем «отроческая болезнь» экзальтированного, комплексующего отпрыска знатной фамилии. Восточные поэмы были написаны как раз в период расставания поэта со своими юношескими иллюзиями. Не зря своих «бунтующих аристократов» поэт обрек на поражение или гибель, осуждая тем самым их позицию. В этом смысле «Гяур», по мнению Д.П.Воткинса, особенно ценен, так как «отражает многие изменения, произошедшие в мыслях Байрона».²⁵

Вот почему, на наш взгляд, можно согласиться с В.Перри, который считал, что если бы карьера Байрона закончилась в 1815 г., то сейчас он представлял бы незначительный интерес лишь с точки зрения истории романтизма.²⁷ Байрон как феномен европейской культуры состоялся благодаря своим последующим творениям. Перелом, видимо, завершился к 1816 г., когда были созданы его лучшие произведения (3-я и 4-я песни «Паломничества Чайльд Гарольда», «Манфред», 1-я песнь «Дон Жуана»). В немалой степени этому перелому способствовало крушение Наполеона, олицетворявшего долгое время для Байрона идеал великой личности. Из дневниковых записей, начиная с 1813 г., видно, как тяжело переживал поэт падение «несчастливого кумира». Для нас в данном случае важно, что они хронологически совпадают с процессом создания и публикаций восточных поэм. Поэтому реконструкцию взглядов Байрона по вопросу о роли личности в истории мы пытались осуществить главным образом на материалах, принадлежащих перу «позднего» Байрона. Дж.Д.Боун пишет: «В Беппо (1817 г. — А.К.) Байрону удалось достичь совершенства. Здесь выступает не замкнутая, комплексующая личность, а свободная».²⁸

Итак, мы можем утверждать, что Байрон отказал великой личности в способности безраздельно управлять ходом событий. Следовательно, он должен был прийти к поиску других факторов общественного развития. Очевидно, что от признания революционной роли народных движений до осознания идеи классовой борьбы — «один шаг». Байрон сделал этот шаг, причем раньше, чем французская романтическая школа историков. Идея «носилась в воздухе» и была зафиксирована в сознании многих думающих людей начала XIX в. Известно, что сам «отец идеи классовой борьбы» Огюстен Тьерри признавал огромное влияние Вальтера Скотта на формирование его собственной концепции. Причина подхода к пониманию роли классовой борьбы столь многих и столь разных людей ясна — французская революция. Она обнажала главную пружину общественного развития, но к философской рефлексии подтолкнула поэтов раньше, чем историков.

В исторической пьесе «Марино Фальеро, дож Венеции» социальные отношения скрыты выступающими на передний план политическими событиями. Поэтому часто пьеса трактуется многими исследователями как проявление байроновского политического радикализма. Однако сам Байрон настаивал на том, что эта трагедия «не является политической пьесой».²⁹ Поэт долго и не без трудностей пытался объяснить для себя мотивы заговора венецианской аристократии. В начале 1817 г. Байрон писал из Венеции Маррею о том, что он изучил все, что есть в здешней библиотеке по этому вопросу, но «старая аристократия заставляла своих писателей молчать о подлинных мотивах; представляя их проявлением личного неудовольствия по отношению к одному из патрициев»³⁰. В итоге он пришел к выводу о том, что психология героев, их поведение — лишь непосредственный побудительный мотив, который не объясняет причин заговора.

Оставив, таким образом, психологию и политику за пределами поиска, Байрон решил, что интересы противоборствующих социальных групп — главная причина заговора. По крайней мере, с тех пор как в 1915 г. Самуэль Чью заявил, что основной объект анализа поэта в пьесе — это «конфликт между патрициатом и народом»³¹, исследователи не оспаривали этот тезис.

2. Для человека XVIII—XIX вв. вопрос о врожденности моральных норм был далеко не праздным. В зависимости от ответа формировались многие другие элементы его мировоззрения. Прежде всего это касается особого видения исторического процесса как борьбы разума против невежества. Просвещение человека ведет к увеличению природного потенциала добродетели и сокращению доли невежества, порока с перспективой полного избавления от недостатков. Став добродетельным, человек воздействует на общество ко всеобщему благу. Таким образом, изменение человека есть путь к изменению общества. Так можно рассуждать только исходя из того, что первоначальная чистота нравов — естественное состояние человека. Если допустить, что порок присущ ему так же, как и добродетель, то придется отказаться от просвещения как способа преобразования общества.

События эпохи Великой французской революции в немалой степени способствовали разрушению просветительского идеала «нравственного от природы человека». Вакханалия массового террора и накопительства, неотделимого от беззастенчивого грабежа, показали всему миру, как переплавляются в драгоценный металл идеалы свободы. Эволюция многих политических деятелей, продолжавших путь от «служения революции» до беспринципности, карьеризма и пресмыкательства перед новым деспотом, дополняла картину морального разложения.

Для Байрона это было связано с именем Наполеона. В ноябре 1813 г. поэт записал в дневнике: «С тех пор как в Харроу, в 1803 г., когда началась война, я защищал его бюст от подлецов, державших нос по ветру, он был для меня героем романа... Но мне не нравятся все эти побеги, отъезд из армии и пр. Когда я сражался в школе из-за его бюста, я, конечно, не предполагал, что он убежит от самого себя».³² Эволюция Наполеона в сочетании с беспощадным самоанализом поэта привела к тому, что человек, в байроновском понимании, совместил в себе и величие, и порок. «Хобхауз привез с континента, — отмечал Байрон, — массу анекдотов об этом необыкновенном человеке; все они свидетельствуют о его уме и отваге, но не обнаруживают в нем добродетели»³³. Но если добро и зло присущи человеку изначально, то от чего зависит соотношение этих двух начал? От уровня развития общества и прежде всего от баланса личных и общественных интересов. Такой ответ предлагает едва ли не каждое произведение великого английского поэта.

3. Переосмысление третьего вопроса в начале XIX в. также произошло под воздействием французской революции. Если стоять последовательно на позициях исторического материализма, то необходимо ясно представлять последствия любой революции как сложный и противоречивый процесс:

с одной стороны, стимулирующий историческое развитие, с другой — провоцирующий регресс. «Великую французскую революцию, — пишет М.Я.Гефтер, — продолжала вся Европа (и не одна она), в то время как Франция расплачивалась за свой «скачок» отставанием от тех, кто уходил вперед, превращая «свободу, равенство, братство» в технологию и постоянный капитал...»³⁴ Если Франция расплачивалась за революцию стагнацией некоторых сфер социально-политической жизни, то в недрах европейского менталитета произошло переосмысление проблемы взаимоотношений общества и личности.

Уже в учении Руссо о «единой воле» был заложен неоднозначный интеллектуальный заряд. При определенном стечении обстоятельств он грозил обернуться своей негативной стороной — отрицанием интересов личности за счет гипертрофированных надличностных, «общественных» интересов. Так и случилось. В ходе борьбы против «снисходительных» и левых якобинцев Робеспьер встал на путь ограничений полномочий Коммуны и демократии вообще.

Не случайно английских радикалов настораживало то, что во Франции «акцентируется в большей степени равенство, чем свобода».³⁵ Произошла централизация общественной жизни, неизбежная в условиях, по сути дела, тотальной войны, которую вела Франция. Эти процессы, усугубляемые практикой массового террора, создали питательную почву для возникновения тенденции к огосударствлению общества. Наполеон довел ее до логического конца.

Революция, если она встречает интенсивный отпор бывших господствующих классов и протекает в условиях «обострения нужды и бедствий масс», ставит общественные интересы на недостижимую высоту. Они становятся выражением смысла для членов общества, сути их существования. Но тем самым возрождается «universitas» — «генерализирующая категория средневековой коллективности».³⁶ С ней как с высшим принципом связывалась идея блага составляющих целое — каждая социальная группа, каждый человек «служит» благу целого и только через него — своему собственному. Наполеоновское государство, армия структуризовали общество по своему образцу, дополнив тем самым идею примата общего принципом иерархичности. Такое сочетание вместе с возрождением религиозного чувства в годы реакции восстанавливало худшие черты средневекового менталитета, обезличивая индивида. На повестку дня вставала задача разрушения реанимированных общественно-политических стереотипов.

Можно предполагать, что Байрон состоялся как феномен европейской культуры потому, что одним из первых восстал против подавления индивида обществом. Вера в двойственность человеческой природы подтолкнула Байрона к выводу о том, что человек есть продукт общественного развития. Австрийский исследователь Б.Г.Тандон и англичанин Д.П.Воткинс считают весьма показательной в этом отношении пьесу «Марино Фальери, дож Венеции». Здесь Байрон «человеческие недостатки выводит из общественных пороков, из всеобщего разложения, вызванного безнравственной политикой аристократии».³⁷ С особой силой идея детерминированности внутренней сущности человека общественным строем прозвучала, на наш взгляд, в «Дон Жуане».

Два казака огромных с пьяным гиком
Гонялись за ребенком. Ни с одним
Животным хищным, мерзостным и диким,
Мы человека-зверя не сравним.
Но в этом унижении великом
Кого мы справедливо обвиним?
Натуру их иль волю государя,
Которому нужны такие твари?³⁸

Критика общества, продуцирующего порок, разлагающий личность, — лейтмотив творчества Байрона. Сегодня в этом убеждены все байронисты. «Система не принимает человека, живущего полнокровно»³⁹, — пишет В.Раддик. Не воспринимала она и Байрона, пытаясь его разрушить как личность.⁴⁰ Этим объясняется высокая нравственная общечеловеческая ценность байроновского индивидуализма, нацеленного в первую очередь против буржуазных общественных отношений. «Индивидуализм — это попытка сохранить свободу, хотя бы внутреннюю, оградить себя от влияния системы»⁴¹.

Блестящий социально-философский анализ «Гяура», проделанный Д.П.Воткинсом, не оставляет сомнений в том, что Байрон четко обозначил пределы возможного вмешательства человека в социальную жизнь — они определяются зрелостью общественных отношений. Литературный материал «Гяура» позволяет предположить, что, по мнению Байрона, «существующие религиозные, политические, экономические и моральные традиции останутся неизменными, несмотря на крушение власти (выделено нами. — А.К.) сохраняют свою тиранию над человеческой жизнью».⁴²

Острое ощущение непреодолимости закономерного хода исторических событий, скорее всего, возникло у Байрона под воздействием двух факторов: неудачного личного опыта изменить что-либо в Англии и крушения идеалов свободы, наглядно продемонстрированного историей послереволюционной Франции. Поэтому, размышляя о революции, Байрон написал такие строки:

И страшен след их воли роковой...
Они, смешав Добра и Зла начала,
Все в прошлое низвергли. Для чего?
Чтоб новый трон потомство основало.
Чтоб выстроило тюрьмы для него,
И мир опять узрел насилия торжество.⁴³

Если считать доказанным положение о том, что для Байрона человек—это продукт общественного развития, то 83-ю строфу (песнь III) «Паломничества Чайльд Гарольда» можно трактовать следующим образом: поражение французской революции Байрон объяснил для себя незрелостью общества.

Народ восстал, оковы сбросил он,
Но не сумел в свободе утвердиться.
Почувяв силу, властью ослеплен,
Забыл он все — и жалость, и закон.
Кто рос в тюрьме, во мраке подземелий,
Не может быть орлу уподоблен,
Чьи очи в небо с первых дней глядели, —
Вот отчего он бьет порою мимо цели.⁴⁴

Осознание закономерности исторического процесса подводило поэта к мысли о существовании объективной связи исторических эпох.

И все же нет от прошлого защиты.
Его, как страшный, неотвязный сон,
Не смоем даже Рейн, хоть чист и светел он.⁴⁵

Байрон оказался одним из немногих, кто сумел точно охарактеризовать быстро меняющиеся события наполеоновской эпопеи. В то время как Вордсворт, Саути, Скотт ликовали вместе со всей Европой, приветствуя возвращение свободы, Байрон писал:

Но мир на самом страшном из полей
С победой получил лишь новых королей
...уча монархов чтить народы,
Изведал мир трагические годы,
Чтоб вновь попрасть для рабства все права...⁴⁶

Не только в отношениях между классами, но и в экономике искал Байрон объяснение исторических закономерностей.

Кто царит
На всех великих сеймах и конгрессах?
Кто в Англии политику вершит?
Вы думаете, дух Наполеона?
Нет, Ротшильда и Беринга миллионы!⁴⁷

Так что у Н.Я.Дьяконовой были все основания написать, что Байрона характеризовало «живое ощущение исторического процесса, соотнесение настоящего с прошлым,... понимание роли народных масс и материальных факторов общественного развития».⁴⁸ Мы же пытались показать, что зарождение естественно-исторического детерминизма было вызвано событиями эпохи Великой французской революции, ее влиянием на сознание людей начала XIX в.

Приведенный в данной статье материал ставит, на наш взгляд, под сомнение некоторые стереотипы, прочно утвердившиеся в советской историографии. Вопрос о революции в развитии европейского менталитета на рубеже XVIII—XIX вв. не ставится. Тем самым сохраняется гегелевское представление о рационализме Просвещения как главном событии нового времени. Романтизму отводится довольно скромное место. Он характеризуется только как специфический художественный метод, отразивший серьезный кризис буржуазного сознания.⁴⁹ Начало кризиса связывают с теориями и творчеством Руссо, английских и французских сентименталистов и немецких литераторов «Бури и натиска».

После событий 1789—1794 гг. появляется романтизм как выражение разочарования широких общественных кругов в социальных результатах революции. Второе направление дальнейшей эволюции Просвещения, также произошедшее под влиянием революции, — это воззрения, предвосхищающие утопический социализм (В.Годвин). В этой схеме есть два существенных недостатка. Во-первых, она не подкрепляется работами, которые показали бы, какие из идей эпохи Просвещения и как видоизменила Великая французская революция, то есть ее воздействие на духовную жизнь общества лишь декларируется. Во-вторых, данная схема устанавливает прямую связь между сложным ментальным образованием и его формационной характеристикой, часто буржуазной или даже феодальной, по отношению к известной части романтиков.⁵⁰

После публикации работы Н.Я.Дьяконовой «Английский романтизм» можно утверждать, что подобные характеристики — по меньшей мере упрощение проблемы. И тем не менее схема срабатывает. Авторам очерка «Философия. Основные идеи и принципы» «совершенно понятно, почему романтическое течение, буржуазное по своим идеям и направленности, в среде самой буржуазии не пользовалось долгое время сочувствием».⁵¹ Такая трактовка по существу совпадает с позицией ряда западных исследователей, которые считают романтизм «идеологической формой промышленной революции».⁵²

Н.Я.Дьяконова справедливо констатирует, что «романтизм принадлежит к числу наиболее расплывчатых обобщающих понятий, бытующих в нашей историко-литературной науке».⁵³ При этом все же некоторая определенность есть. В исторических работах романтизм — это идеология, в литературоведческих и культурологических — метод в искусстве, «художественное выражение духовного переворота». А может быть, романтизм — это содержание духовного переворота, а не его литературно-художественная форма, социально-культурный фон эпохи, основа для нового мировоззрения? Речь идет о том общем, что было в мировосприятии многих поколений людей безотносительно к их классовой принадлежности.

Первым, кто заговорил об этом, был И.Баббит, определивший романтизм как «целостную философию жизни»⁵⁴ еще в 1919 г. В 40-х гг. Б.Рассел и П.Верек развили его идеи. «Романтизм, — писал Рассел, — является культурной основой большей части философской мысли».⁵⁵ Принципиальная новизна романтического мировидения заключается в том, что окончательно человек, его личность перемещается в центр философской рефлексии не только в науке, но и на уровне обыденного сознания. Завершился длительный процесс гуманизации сознания, восходящий своими корнями еще к христианству. Поэтому центральной проблемой романтизма становятся отношения личности и общества. Второй, и не менее важный, компонент нового мировидения точно обозначил П.Верек: «Романтизм — это дух современного мира, дух динамичной эволюции, относительности любых стандартов».⁵⁶

Новое мировидение раньше всего проявилось в теориях Руссо. Но при его жизни распространилось весьма незначительно, если не считать довольно широкой популяризации отдельных фрагментов его воззрений, чаще всего выхваченных из контекста. Подлинное распространение нового духа эпохи связано с именем Байрона, который «абстрактные идеи философов перевел на язык общедоступных эмоций, облек расплывчатые идеи романтизма в четкие политические формулировки».⁵⁷ Не случайно А.Хэнкок присвоил Байрону титул «Руссо новых поколений ... апостола второй революции».⁵⁸ Однако идею романтизма в ее руссоистском варианте от байронизма отделяет целая эпоха — эпоха Великой французской революции. Она стала тем фактором, который предопределил трансформацию идей Руссо и идей Просвещения.

1 Башляр Г. Предисловие к книге «Воздух и сны» // Вопр. философии. 1987. № 5. С.114.

2 «В стихах проявляются силы, которые не проходят через звенья знания», — пишет Г.Башляр (там же. С.115).

3 Волков Г.И. Три лика культуры. М., 1986. С.37.

4 Brinton C. The political ideas of the English romanticists. New York 1926. P.156.

- 5 Дьяконова Н.Я. Английский романтизм. М., 1978. С.92.
- 6 Розанов М.Н. Очерк истории английской литературы. 19 век. (Год и место издания не указаны). С.92.
- 7 Dowden E. The French Revolution and literature. London, 1897, P. 209.
- 8 Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М, 1987. С. 328.
- 9 Байрон Д.Г. Дон Жуан // Байрон Д.Г. Соч.: В 3 т. М.: Худож лит., 1974. Т. 3. С.381.
- 10 Dowden E. Op.cit. P.275.
- 11 Barton A. «A light to lesson ages»: Byron's political plays, in: Byron A symposium. London, 1975. P.160,
- 12 Байрон Д. Г. Паломничество Чайльд Гарольда // Указ.соч. Т.1. С.202.
- 13 Там же. С. 219.
- 14 Ruddick W. Byron and England // Byron's political and cultural influens in 19th century Europe. London, 1981. P.35.
- Байрон Д.Г. Дневники и письма. М., 1965. С.61.
- 16 Барг М.А. Указ.соч. С.324.
- 17 Байрон Д.Г. Дневники и письма. С.58.
- 18 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С.92-93.
- 20 Байрон Д.Г. Дневники и письма. С.88.
- 21 Watkins D.P. Violence, classconsciousness and ideology in Byron's history plays // ELH, Baltimore, 1981. V.48. № 4. P.815.
- 22 Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С.699.
- 23 Рассел Б. Указ.соч. С.765.
- 24 Эльце К. Лорд Байрон. Харьков, 1884. Вып.1. С.27.
- 25 См.: Байрон Д.Г. Дневники и письма. С.28, 33.
- 26 Watkins D.P. Social relations in Byron's «The Giaour // ELH Baltimore. 1985. V.52. № 4. P.890.
- 27 Parrie W. The Byronic Philosophy // Byron: Wrath and rhyme London, 1983.
- 28 Bone J. The rhetoric of freedom // Byron: wrath and rhyme London 1983. P.181.
- 29 Byron's Letters and journals / Ed. by L.A.Marchand. London 1977 V.7. P.184.
- 30 Byron's Letters and journals / Ed. by L.A.Marchand. London, 1976 V.5. P.174.
- 31 Chew S. The dramas of lord Byron. A critical 5tudy, 1915, New York, 1964.
- 32 Байрон Д.Г. Дневники и письма. С.51.
- 33 Там же. С.82.
- 34 Гефтер М.Я. Россия и Маркс // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 4. С.169.
- 35 Woodring C. Politics in English romantic poetry. Cambridge, 1970. P.14.
- 36 Барг М.А. Указ.соч. С.136.
- 37 Watkins D.P. Violence, classconsciousness, and ideology in Byron's history plays // ELH. Baltimore. 1981. V.48. № 4. P.801.
- 38 Байрон Д.Г. Дон Жуан // Указ.соч. Т.3. С.297.
- 39 Ruddick W. Op.cit. P.37.
- 40 Hendry J. Byron and a cult of personality // Byron: wrath and rhyme London, 1983. P.205.
- 41 Rone J. Op.cit. P.181.
- 42 Watkins D.P. Social relations in Byron's «The Giaour» // ELH. Baltimore, 1985. V.52. № 4, P, 882.
- 43 Байрон Д.Г. Паломничество Чайльд Гарольда // Указ.соч. Т.1. С.230.
- 44 Там же. С.230.
- 45 Там же. С.232.
- 46 Байрон Д.Г. Паломничество Чайльд Гарольда // Указ.соч. Т.1. С.211.
- 47 Байрон Д.Г. Дон Жуан // Указ.соч. Т.3. С.385.
- 48 Дьяконова Н. Я. Указ соч. С. 92, 123.
- 49 Эта идея, зафиксированная во «Всемирной истории» (М., 1959. Т.6. С.611) как доминирующая в советской историографии, воспроизводится и сегодня. (См.: Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки. М., 1987. С.80).

50 Кертман Л.Е. Указ.соч., С.96—97.

51 Философия. Основные идеи и принципы / Под ред. А.И.Ракитова. М., 1985. С.101.

52 Brinton C. Op.cit. P.218.

53 Дьяконова Н.Я. Указ.соч. С.6.

54 Bubbitt I. Rousseau and romanticism. New York, 1955. P.4.

55 Рассел Б. Указ. соч. С.693.

56 Viereck P. Metapolitics: from the romantics to Hitler. New York, 1941. P.43.

57 Trueblood P.G. Byron and Europe // Byron's political and cultural influence in 19-th century Europe. London, 1981. P.203—204.

58 Hancock A. The French revolution and the English poets New York 1967. P.83.

С. Н. Коротков (Ленинград)

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ИТОГОВ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ КОНВЕНТА

Традиционной в историографии Великой французской революции стала негативная оценка деятельности финансового ведомства революции. К выводу об отсутствии всякой линии, целенаправленной политики революции в области финансов пришел автор работы о финансовых взглядах жирондистов Б.Комб де Патри, не видящий разницы между жирондистами и якобинцами: все их лидеры совершенно некомпетентны.¹ Видный исследователь финансовой истории Франции XVIII в. Р.Струм считал, что не найти ни в мыслях, ни в выступлениях якобинцев какой-нибудь финансовой теории, какой-нибудь оригинальной идеи.² Такая концепция получила распространение и в отечественной литературе. С.А.Фалькнер, автор очень интересной книги об ассигнате, например, пишет: «Монтаньяров отталкивает скорее недоверие к плодотворности предлагаемых мероприятий. Сказывается и отсутствие сколько-нибудь выдержанного и углубленного экономического воззрения, если не больше: отсутствие среди них хотя бы одного крупного экономиста с достаточно широким кругозором».³ С.А.Фалькнеру принадлежит интересная идея об эмиссионном денежном хозяйстве. Выпуск ассигнатов Великой французской революции, по его мнению, явился своеобразным налогом наоборот, однако «вся история ассигнатов ... является... историей постепенного расширения комплекса вводимых в оборот номинальных ценностей и историей вынужденного пополнения и завершения создаваемой, почти против воли ее создателей (разрядка моя. — С.К.), новой денежной системы».⁴ С.А.Фалькнер постоянно указывает на непредсказуемость результатов, случайный характер финансовых операций, которые являлись лишь средством решения политических задач.⁵ Когда С.А.Фалькнер пишет об отсутствии «хотя бы одного крупного экономиста с достаточно широким кругозором», он фактически повторяет оценки, данные председателю Комитета финансов Конвента Ж.Камбону, «посредственному уму» (Р.Струм), все умение которого заключалось в использовании печатного станка (А.Матьез).

Основанием для такого резко критического отношения к руководителям финансового ведомства революции и их деятельности представляется следующее: отсутствие отчетности, потеря обычных источников доходов и опора казначейства на ассигнат, невыполнение обещания покрыть государственный долг.

Такое заявление Ж.Камбона: «Финансы Республики находятся в самом цветущем положении, так что можно сказать утвердительно, что более не является необходимости в их исчислении»⁶, — вызывает иронию. Уже весной 1793 г. в ходе обсуждения проекта введения чрезвычайного принудительного займа в 1 млрд один из жирондистских ораторов, Вернье, говорил, что такой заем является посягательством на собственность, на которое нация имеет право только в случае крайней необходимости, «но ведь Комитет финансов постоянно докладывал и опубликовывал, что наши военные ресурсы более чем достаточны?»

Являясь сигналом крайней опасности, налог, по мнению жирондистов, подрвет доверие и уничтожит источники доходов.⁷ Обычные источники доходов были действительно утрачены. Как пишет в своих мемуарах М.-М.-Ш.Годен, видный деятель налогового аппарата, будущий наполеоновский министр финансов, сборщики налогов, если бы им приходилось заниматься только своими делами, справились бы, но они были чрезвычайно загружены (проведением чрезвычайных обложений, распродажей национальных имуществ, сбором налоговых недоимок и т.п.). «Если учесть, что большинство сборщиков в дистриктах выполняли абсолютно новые для себя функции, что формы счетоводства были неизвестны для большей части», что инструкции бесконечно обновлялись, что Казначейство, для которого ежедневная переписка с 544 сборщиками требовала больше активности, чем точности, не утруждалось отвечать на вопросы сборщиков и исправлять их ошибки, то понятно, что каждый действовал на ощупь, шаг за шагом.⁸

Таким образом, картина может представиться такой: ничего делать не умели и поэтому ничего сделать не смогли, кроме как прибегнуть к печатному станку. Выпуск ассигнатов привел к инфляции, которая, являясь следствием ошибок, нанесла удар по самой революции. Непокрытие долга и банкротство 1797 г. служат якобы доказательством неэффективности работы казначейства. Требуется постановки и вопрос о классовом характере финансовой политики революции, которая проводила реквизиции, принудительные займы и т.п. Р.Стурм, например, видит антикредиторский, то есть в конечном счете антибуржуазный, характер в политике по отношению к государственному долгу.

Рассмотрим причины опоры Конвента в основном на ассигнат, причины и характер проведения банкротства, социальные итоги финансовой политики революции (для более полного выяснения ее классового характера) и вернемся к вопросу об ее эффективности.

Финансовый кризис явился важнейшей предпосылкой складывания кризиса «верхов» и революционной ситуации во Франции, страна требовала налоговой и широкой финансовой реформы. Однако все предложения о ликвидации налоговых льгот дворянства и духовенства и до созыва Генеральных штатов, и в первые дни их работы отвергались. Чтобы сдвинуть вопрос с мертвой точки, потребовалось решительное вмешательство народных масс. Но, приняв решение о необходимости налоговой реформы, законодатели до завершения ее подготовки оставили изжившую себя старую систему. В итоге за 1789—1791 гг. казна недополучила почти 1 млрд. Старые налоги, которые должны были просуществовать до конца 1792 г. были столь непопулярны, что крестьяне отказывались их платить, а роль сборщика налогов часто была опасной.⁹

Начавшаяся революция не решила сразу финансовых проблем, а, напротив, обострила их. Попытки Неккера выйти из положения, введя займы, единое патриотическое обложение, оказались неудачными.¹⁰ Тогда прибегли к выпуску ассигната, вскоре превратившегося в бумажный денежный знак.

Для покрытия торжественно признанного Учредительным собранием 13 июля 1789 г. государственного долга была создана Чрезвычайная касса. Сборщики налогов в дистриктах законом 22 апреля 1790 г. были ответственны перед Чрезвычайной кассой за два важнейших источника доходов: национальные имущества (конфискованные имущества короны, церкви и эмигрантов) и патриотическое обложение. С начала

1791 г. они должны были посылать в Чрезвычайную кассу все реализованные фонды. «Мы знаем, — отмечает Ф.Бриффо, — что с этого времени налоги давали мало или даже отсутствовали; Чрезвычайная касса выдерживала, таким образом, большинство национальных расходов».¹¹

Особенно тяжелым стало положение после вступления Франции в апреле 1792 г. в требовавшую огромных расходов войну с европейскими державами. Уже 14 мая 1792 г. было предписано обращать на погашение долга не свыше 6 млн в месяц, отсрочив уплату остального.¹² С 22 июля, дня объявления Отечества в опасности, все средства шли на оборону.¹³

Конвент, собравшийся в сентябре 1792 г., получил в наследство возросший государственный долг, расстройство налоговой системы, теряющий свою стоимость ассигнат и с таким «богатством» должен был вести войну, финансирование которой стало главной заботой казначейства. Сборщиков налогов теперь менее всего «тревожат» по поводу ординарных налогов, поступление которых практически прекратилось, но требуют ускорить получение и отправку в Париж чрезвычайных средств. Амело, глава Чрезвычайной кассы, 28 сентября 1792 г. «от имени Отчизны» призывал удвоить рвение и активность в деле организации и распродажи фонда национальных имуществ.¹⁴ Декретом 31 декабря 1792 г. Чрезвычайная касса была ликвидирована, однако Амело продолжал выполнять свои функции, называясь «управляющим национальным доменом», с ним сборщики должны были продолжать общаться по всем проблемам и перед ним отчитываться.¹⁵ Фактическая реорганизация Чрезвычайной кассы в Управление национального домена доказывает отсутствие других доходов и означает отказ от ликвидации государственного долга.

Проводившаяся в годы революции политика банкротства была столь же вынужденной, как и эмиссионная, — решение всех основных финансовых проблем путем выпуска ассигната. В условиях тяжелейшей борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией руководители Конвента сделали все возможное для сохранения государственного кредита. Прежде всего надо отметить запись долга в Большую книгу в 1793 г., что историки называли «большим проектом», «операцией крупного размаха, игравшей определенную роль во многих отношениях».¹⁶ Камбон, проведя эту запись, значительно сократил саму сумму долга, поскольку существовали определенные препятствия для кредиторов.¹⁷ Государством был признан долг на 4 млрд, в то время как до революции долг достигал 4,5 млрд. Камбон облегчил финансовые операции, унифицировав разнообразные виды долговых обязательств. Причем унификация была «экономна»: до революции ежегодно на выплату ренты расходовалась сумма в 10% государственного долга, теперь каждый кредитор мог получать 4%.

Умеренный буржуазный историк Р.Стурм выражает недовольство этим мероприятием: «Вот чего дождались рантье от создания Большой книги в 1793 г.; налога на свои неполученные проценты!»¹⁸ Раздражает Стурма также то, что, «создавая Большую книгу государственного долга, Камбон преследовал еще другую, очень далекую от финансов, цель, он хотел республиканизировать долг».¹⁹ В самом деле, Камбон не скрывал политическую цель: «Мы не должны позволить долгу сохранить старые названия, это — операция очень политическая, я бы даже осмелился сказать, необходимая революции. Те, кто надеются на победу контрреволюции, предлагают оставить старые названия. Они надеются позже заявить, что сохранили этот долг из любви к королю... Пусть запись в Большую книгу станет могилой старых контрактов». Небрежение к проблеме долга в 1792—93 гг. и характер записи долга, не свидетельствуют ли они об антикредиторской сущности финансовой деятельности Камбона? Едва ли. Критика позиции Камбона справа не означает невозможности ее критики слева.

Размежевание кредиторов шло по политическому, а не по социальному признаку. Не были записаны в Большую книгу все казенные, эмигрировавшие, ушедшие в вандейские леса или подполье. Это были отнюдь не одни буржуа.²¹ С другой стороны, все, сохранившие верность Республике, получили возможность записаться. Сам факт нового признания долга служил интересам кредиторов.

Весной 1794 г., когда пробуржуазная линия в политике якобинцев усилилась, было проведено еще одно крупное мероприятие: уравнивание пожизненной ренты с вечной. Современников эта операция волновала, она явилась предметом обсуждения в дипломатической переписке.²² Еще в 30-е гг. Г.С.Фридлянд обратил внимание на странное отсутствие интереса историков к этому акту, который он сам расценивал как мобилизацию капиталов²³, необходимых, добавим, для покупки национальных имуществ.

Камбон считал, что «это распределение ценностей откроет новый источник для развития этими гражданами промышленности; она даст республике доход от передаточных операций, установит большую конкуренцию при покупке национальных владений и увеличит ценность долговых обязательств, на которые эти новые владельцы сумеют записаться».²⁴

Нельзя оценивать деятельность Конвента в отношении долга в отрыве от всей его финансовой политики. А эта политика заключалась в непрерывном выпуске все более теряющих свою стоимость ассигнатов, которыми расплачивались за национальные имущества. В результате рассрочки платежей падение стоимости ассигната приводило к снижению цены национальных имуществ. В итоге за них удалось получить 10% их реальной стоимости. Все же это не свидетельствует о неспособности Комитета финансов справиться со своими обязанностями.

Ассигнат оказался единственным источником получения средств в условиях отсутствия обычных доходов и малой эффективности чрезвычайных. Революция получила тяжелое финансовое наследие, которое было усугублено в первые годы революции новыми проблемами, поэтому и прибегли к «эмиссионному обложению». С падением стоимости ассигната монтаньярский Конвент вел постоянную борьбу. Были введены максимальные цены на предметы первой необходимости, объявлена борьба со спекуляцией, закрыта Биржа и запрещена торговля ассигнатом, который стал единственной валютой Республики. В результате этих мер в течение года (с лета 1793 г. до лета 1794 г.) стоимость ассигната почти не изменилась. Но инфляция углублялась, а борьба велась с внешними проявлениями инфляции. Пока во главе Комитета финансов Конвента оставался Камбон (до весны 1795 г.), официально падение стоимости ассигната не признавалось, что до поры несколько стабилизировало его курс. Но без такого признания нельзя было и с покупателями национальных имуществ потребовать оплаты новых владений по фактическому курсу ассигната.

Весной 1796 г. была введена шкала пропорциональности долгов, то есть законом утверждалось право кредиторов получать долги не по номинальной, а фактической стоимости денег. Вопрос был решен в пользу кредиторов. «В результате кредит оказывался формой бронирования соответствующих ценностей от всякого влияния на них эмиссионного обесценивания валюты, как формы принудительного финансирования государственных операций».²⁵

Как показывают протоколы распродажи национальных имуществ, последние доставались в основном буржуазии, которая использовала падение ассигната для почти дарового приобретения новых владений. Инфляция не привела к разорению кредиторов. Французская республика неизменно поддерживала буржуазию: первоначально, приостановив в условиях войны покрытие государственного долга, путем передачи национальных имуществ крупным покупателям; затем, когда фонд национальных имуществ был почти исчерпан, а международное положение Республики укрепилось, государство встало на путь защиты кредиторов от должников. Поскольку положение государственного казначейства было тяжелым, вводя шкалу возмещения долгов, Комитет финансов был вынужден пойти на государственное банкротство. Если в первые годы революции было невозможно говорить о банкротстве, которое для сыгравших большую роль в революции кредиторов было преступлением, то в 1796—1797 гг. настроения уже изменились. Буржуазия «переваривала» огромную добычу. Было ясно, что казначейство выплатить долг не в состоянии. Бывшие кредиторы, получив солидную компенсацию, более благодушно смотрели на возможность банкротства. И все же это было трудным решением. С.А.Фалькнер и другие историки финансов, рассказывая о так называемом «банкротстве Рамеля», обращают внимание, главным образом, на экономические обстоятельства, которые тормозили или ускоряли принятие этого решения. Более важным «обстоятельством» представляется переворот 18 фрюктидора, происшедший несколькими неделями ранее и открывший путь «банкротству Рамеля», сама жизнь которого не была гарантирована накануне этого переворота.

Финансовая политика Конвента носила буржуазный характер. Не всегда удавалось ее полностью направить на защиту экономических интересов буржуазии, однако даже в буржуазной историографии есть признания того, что революция не сделала ничего неприемлемого для буржуазии. Ж.Шарпантье, весьма консервативный историк, пишет, что «нет ничего в требованиях народа времен революции такого, что не было бы реализовано либеральной буржуазией». В частности, прогрессивно-подходный налог является неотъемлемой частью политической практики буржуазного общества.²⁶ Долг выплатить не удалось, но разве защита завоеваний буржуазной революции, поглотившая те средства, которых было достаточно для покрытия долга, не в интересах буржуазии? Тяжесть финансирования революционных войн видна по тем трудностям, с которыми столкнулись европейские державы, ведя войну с Францией, хотя они действовали в рамках широкой коалиции и могли расходы поделить. Каким образом Франции удалось найти средства?

Военные расходы Французского королевства в конце XVIII в. во время ведения крупных войн достигали 39—42% бюджетных расходов: 1759 г. (Семилетняя война) — 212 млн; 1783 г. (война в Америке) — 227 млн.²⁷ Война революционной Франции против монархической Европы была, конечно же, более тяжелой. О военных расходах Франции есть лишь отрывочные сведения, но они показывают, что расходы были огромны. Так, например, в начале 1793 г., когда завершался суд над королем, опасаясь вступления в войну против Франции Англии, Конвент распорядился укрепить флот, потратив на это 300 млн ливров²⁸, то есть сразу же больше годовых расходов королевства во время последних войн.

За время существования Конвента было выпущено около 5 млрд ливров ассигнатами, которые дали более 2 млрд ливров реальных ценностей.²⁹ Именно эти средства пошли на обеспечение обороны Республики. Современники высоко оценили значение ассигнатов. Камбон в речи 23 сентября 1793 г. назвал ассигнат единственным источником пополнения казны.³⁰ Рамель в Совете старейшин 1 февраля 1797 г., подводя итог существования ассигната, говорил: «Ассигнаты сделали революцию; они привели к уничтожению сословий и привилегий; они опрокинули трон и создали республику; они вооружили и снабдили эти грозные колонны, которые пронесли трехцветное знамя за Альпы и Пиренеи; мы им обязаны нашей свободой».³¹ Тибодо пишет в своих мемуарах, что необходимость вести борьбу с армией всей Европы вызвала огромные расходы, «обычные доходы никогда не выдержали бы такой нагрузки, ассигнат послужил свершению революции, созданию Республики, защите ее независимости, увеличению ее территории... Конвент имел торжественно обещанный миллиард на армию, республиканский солдат закуривал от ассигната, играл, смеясь за бутылкой вина, своею частью миллиарда».³² Из всего сказанного ясно, что современники видели значение ассигната как единственного средства обеспечения огромных расходов республиканской армии. Нельзя не согласиться с Тибодо, что обычные доходы никогда бы не выдержали такой нагрузки. В конце XVIII в. государственные доходы возрастали, но достигли лишь половины того, что удалось получить революционным казначейам путем эмиссионного обложения.

Ж.Камбон накануне революции весьма успешно руководил финансовым домом, получая высокие проценты с капитала (6—7%). Его ближайший помощник и преемник Д.-В.Рамель-Ногарэ, так же как М.-М.-Ш.Годен, работал до революции в финансовом управлении и справлялся со своими обязанностями. Рамель и Годен были авторитетными министрами финансов соответственно Директората и Империи, и оба оставили самые добрые отзывы о своем руководителе конвентского периода Камбоне. Нет оснований считать этих людей некомпетентными в финансовых вопросах. Публичные признания Камбоном и Рамелем исключительной роли ассигната в деле обеспечения обороны доказывают, что они пришли к выводу о возможности лишь эмиссионной политики.

Эффективность финансовой политики революции доказывается победами, одержанными над внешними и внутренними врагами Республики. Для укрепления финансового положения использовались все средства, в том числе отсутствие точных данных о нем. Следует отказаться от тезиса об отсутствии определенной политики в области финансов, Камбон «энергично и целенаправленно проводил политику инфляции»³³, которая обеспечила Республику необходимыми для победы средствами, способствуя одновременно обогащению буржуазии.

1 Combes de Patris B. L'esprit financier des Girondins. Paris 1909 P.155—157.

2 Stourm R. Les finances de l'Ancien regime et de la revolution . Paris, 1885. Т.1. P.395.

3 Фалькнер С.А. Бумажные деньги Французской революции. М. 1919.

4 Там же. С.57.

5 Там же С.193.

6 Цит. по: Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей. Спб, 1901. С.211.

7 Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794): Сб. материалов и документов. М, 1927. С.217—218.

8 Memoires, souvenirs, opinions et esprits du due de Gaete (M.-M.-Ch.Gauden), ancien ministre des finances, ex depute, gouverneur de la Banque de France Paris, 1826. Т.1. P.85—86. (Далее: Gaete Memoires)

9 Bornarel F. Cambon et Revolution francaise. Paris, 1906 P.9; Gaete Op.cit P.14—15, 19—21, 25—26, 35.

10 См : Fachan J. M Historique de la rente francaise et les valeurs du Tresor. Paris, 1904. P.99,

11 Briffaud F. Un receveur du finances sous la Revolution. Caen. 1909. P.56, 79

12 Ibid. P.164—165.

13 Gaete. Op.cit. P.92.

14 Briffaud F. Op.cit. P.198—199,

15 Ibid.

16 Фалькнер С.А. Указ.соч. С.99; Poinsard L. Le credit public pendant la Revolution francaise // Revolution francaise. 1888. Т.15. P.237

17 Arnaud R. Le debacle de Financiers dc la revolution. Cambon 1756—1820. Paris. 1926. P.211.

18 Stourm R. Op.cit. P. 333.

19 Ibid. P.331.

20 Ibid. P.331—332,

21 По данным Д.Грира, 51% эмигрантов принадлежал к бывшему третьему сословию, а из 14 тыс. казненных, классовую принадлежность которых удалось установить Гриру, — 84%, четверть из них — буржуа. Greer D. The incidence of the emigration during the French revolution. Cambridge, 1951. P.III; Idem. The incidence of the Terror during the French revolution. Cambridge, 1935. P.161—163.

22 Papiers de Barthelemy ambassadeur de France en Suisse. Paris, 1886. Т.3. P.519.

23 Фридлянд Г.С. 9-е термидора // Классовая борьба во Франции в эпоху террора. М., 1931. С.186, 190.

24 Цит по: там же. С.100.

25 Фалькнер С.А. Указ.соч. С.254.

26 Charpantier J. Le mythe de la revolution trahie // La nouvelle revue des deux mondes. 1973. Decembre. P.533.

27 Фалькнер С.А. Указ.соч. С.185.

28 Декрет Национального Конвента от 13 января 1793 г., II г. Республики, о вооружении военно-морских сил Республики 52 линейными кораблями и 52 фрегатами // Архив ЛОИИ. Западно-европейская секция. Кок.12, ед.хр.25/367, № 174.

29 Фалькнер С.А. Указ.соч. С. 256.

30 См.: Vuhrer A. Histoire de la dette publique en France. Paris, 1880. Т.1. P.347. Цит. по: Stourm R. Op.cit. P.312—313.

31 Ibid. P. 284.

32 Thibaudeau A.C. Memoires sur la Convention et le Directoire. Paris, 1824. T.2. P.30—31.

33 Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции Падение монархии 1789—1792. Л., 1982. С. 224; Histoire economique et social de la France. Paris, 1976. T.3. Vol.1. P.30.

См. также

Пьер Жозеф Камбон <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon>

С.Коротков. Буржуа-монтаньяр в революции <http://liberte.newmail.ru/Korotkov1.html>

С.Коротков. О роли национальных имуществ в «рождении» новой буржуазии <http://liberte.newmail.ru/Korotkov3.html>

С.Коротков. Финансовая политика Французской революции <http://liberte.newmail.ru/Books/Korotkov2.html>

В.Блос. Бумажные деньги в эпоху Французской революции <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shik temp mores.htm#bloss>

Ю. Б. Лебедев (Чебоксары)

ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и его «МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»

В середине XVIII в. центр умственной жизни Великобритании переместился из переживавших период упадка университетов Оксфорда и Кембриджа в Шотландию, в университеты Глазго и Эдинбурга. Так возник феномен, который некоторые историки определяют как «шотландское просвещение».¹ Название это основывается на несомненном факте почти одновременного творчества плеяды крупнейших философов, экономистов и историков, тесно связанных как значительной общностью своих воззрений, так и своим шотландским происхождением. К ним относят Д.Юма, А.Смита, А.Фергюсона, У.Робертсона и Д.Миллара, к которым примыкают их младшие современники — Э.Берк, Д.Стюарт, лорд Кеймс. Все они большую часть своего времени и сил отдали разработке той синтетической науки об обществе и закономерностях его развития, которую современники называли «моральной философией». В ее рамках возникли теория общества и «философия истории», которые шотландские мыслители сознательно противопоставляли господствовавшим на континенте естественно-правовым концепциям.

К главным их достижениям, безусловно, относятся формулирование нового подхода к изучению явлений общественной жизни, отказ от рационалистического метода дедуцирования. Если Руссо, приступая к анализу происхождения социального неравенства, заявил о том, что для этого необходимо сначала отбросить все факты, то «моральные философы» именно в фактах видели фундамент всех общественных теорий. «Можно смело утверждать, — писал А.Фергюсон, — что общие заключения, касающиеся человека и общества, полезны лишь в той степени, в какой они основаны на тщательном и непредвзятом наблюдении. За основу всех наших рассуждений о человеке должны быть приняты факты».² Исходя из этой методологической посылки, шотландские просветители решительно отвергали концепцию «естественного состояния» французских философов, которую Д.Юм называл «философской фикцией». Они были твердо убеждены, что даже самый примитивный строй человечества с его первобытным состоянием был состоянием общественным «Моральные философы» рассматривали человека как социальное существо. «История индивида, — утверждал А.Фергюсон, — это лишь совокупность его чувств и мыслей по отношению к другим людям. Если мы возьмем за отправную точку исследования человека, мы увидим, что он появился одновременно с обществом».³ Общество, таким образом, не «искусственно», то есть не создано соглашением людей, а «естественно», является частью природы, «звеном в единой цепи всего существующего».⁴

Критика рационалистических воззрений велась шотландскими просветителями и в другом направлении. Выдвинутая ими концепция человека акцентировала подчиненность абстрактного мышления страстям и чувствам, указывала, что именно они направляют усилия разума, ставя перед ним все новые и новые задачи. «Разум, — писал Д.Юм, — есть и должен быть лишь рабом страстей и не может претендовать ни на что другое, как на служение им».⁵

Эта идея приобрела отчетливый социологический смысл у А.Смита, А.Фергюсона и Д.Миллара. Исходя из нее, они доказывали, что ни происхождение общества, ни его сохранение невозможно объяснить разумностью отдельных людей. Не расчеты «разумного эгоизма», как полагали рационалисты, а чувства и страсти — родительская любовь, склонность к общению, дружба и альтруизм — придают прочность общественным связям. «Люди столь далеки от того, чтобы ценить свою принадлежность к обществу лишь по извлекаемым из этого выгодам, что они обычно сильно привязаны к нему там и тогда, где эти выгоды меньше всего, а их верность крепче всего там, где ее нужно оплачивать кровью. Только с этой точки зрения мы можем понять всепоглощающую привязанность дикаря к его кочующему племени, страстную любовь каждого грека к своей стране, беспримерный патриотизм ранних римлян. Жизнь в обществе порождает целый спектр могучих чувств, которые можно испытывать лишь в общении с себе подобными. Благодаря им человек забывает свою слабость, свои страхи, он открывает в себе новые и удивительные силы. Опасности и трудности лишь воодушевляют его».⁶

Все эти утверждения означали отказ от теории «общественного договора», которая предполагала, что индивиды, ставшие его участниками, обладали более или менее ясным пониманием цели своего союза и шли на него за счет подавления своих «естественных» прав и склонностей. С точки зрения шотландских просветителей в основе всех этих рассуждений лежала фундаментальная ошибка — общество единственно возможно именно потому, что естественные склонности людей заставляли их объединяться независимо от каких-либо рассуждений и расчетов. «Моральные философы» шли не от личности к обществу, как это делали французские просветители, а от общества к человеку, видя в последнем продукт социальных условий. «Таланты и способности людей в огромной степени зависят от состояния общества, в котором они находятся. Человеческий ум естественно приспособляется к нему и из него черпает культуру и дисциплину. Из связи с другими людьми вытекают чувства человека, из его функций в обществе — степень развития его интеллекта. Только имея в виду этот великий принцип, — писал У.Робертсон, — можем мы понять характер человека в каждый конкретный период его прогресса».⁷

Отказ от рационализма очевиден и в теории общественного развития британских «моральных философов». Они были убеждены, что развитие общества зависит не от воли и сознания отдельных личностей, а подчиняется определенным объективным закономерностям. «Невидимой рукой» этих закономерностей человек, по замечанию А.Смита, «направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения».⁸ «Можно утверждать, — вторил ему А.Фергюсон, — что общества претерпевают величайшие революции тогда, когда они не стремятся ни к каким изменениям, и что самые мудрые политики не всегда знают, куда ведет их течение событий».⁹ Шотландским мыслителям была совершенно чужда столь характерная для французского Просвещения вера во «всемогущего законодателя» или просвещенного монарха. Подобным фигурам в их теории просто не оставалось места.

Ведущую роль в развитии общества они приписывали не духовному фактору — прогрессу науки и просвещения, — а фактору материальному. «В любом исследовании, — формулировал их точку зрения У.Робертсон, — касающемся действия людей как членов общества, главным объектом внимания должен быть способ, которым они добывают себе средства к существованию. Соответственно его изменениям должны меняться их законы и общественное устройство.

Описав их способ существования, мы из него всегда можем вывести форму и существо их политических учреждений».¹⁰ Начиная с середины XVIII в. эта точка зрения становится общепринятой у шотландских просветителей. Исходя из нее проводили они периодизацию всемирной истории. У А.Смита мы видим выделение четырех эпох — охотничьей, пастушеской, земледельческой и современной, «коммерческой». А.Фергюсон предлагал трехступенчатую схему перехода человечества от дикости к варварству и цивилизации. Некоторую комбинацию взглядов того и другого представляли воззрения Д.Миллара.

Важнейшим аспектом всех их построений было утверждение о зависимости социально-политических институтов от экономических условий жизни общества. Это позволяло при их объяснении с порога отбросить всякие ссылки на «злую» или «добрую» волю отдельных личностей. Так, возникновение частной собственности шотландские просветители, в отличие от Руссо, рисовали не как результат насилия и обмана, а как закономерное следствие перехода людей от «дикости» к «варварству», от охоты к скотоводству. Возникновение земледелия приводит к распространению частной собственности на землю, а дальнейший прогресс промышленности и торговли, по мысли «моральных философов», окончательно закрепляет ее господство. Для них она была одним из важнейших достижений на пути общественного прогресса. «Должно быть в высшей степени очевидно, — писал А.Фергюсон, — что собственность — шаг вперед. Она создает привычку действовать, имея в виду отдаленные последствия... Она составляет главное отличие наций, достигших высокого развития».¹¹

Другим обязательным результатом и признаком общественного прогресса британские философы считали далеко зашедшую социальную дифференциацию. Развитие экономики у них не только приводит к появлению частной собственности, но и с неизбежностью создает неравное ее распределение, порождая «огромное увеличение неравенства доходов... Разнообразие классов... есть следствие развития промышленности и торговли».¹² Имущественное же неравенство, ставя людей в различные условия существования, приводит ко все большему различию их вкусов, взглядов, привычек. По мере роста цивилизации, писал А.Фергюсон, люди «вовлекаются в преследование все более и более разнообразных целей и таким образом начинают все сильнее отличаться друг от друга».¹³

Еще одним источником социальной дифференциации шотландские просветители считали разделение труда. Как и возникновение частной собственности, оно для них не чье-то изобретение, а стихийный, естественно-исторический процесс, который влечет за собой не только огромное увеличение производительной силы труда, но и глубокие социальные последствия. Фергюсон связывал с его углублением само возникновение новых общественных групп, приводя в качестве примера появление купцов и профессиональных солдат.¹⁴

Общество в социальных теориях шотландского Просвещения рассматривалось не аморфной массой индивидов, «стадом», как называл его Руссо¹⁵, а «политическим телом», элементами которого являются не отдельные личности, а общественные группы — классы, сословия, корпорации. Конфликт их интересов, возникающий и углубляющийся по мере роста социального неравенства, шотландские просветители считали характерной и совершенно неизбежной чертой любого развитого общества. Именно из его существования выводили они неизбежность возникновения государства, которое берет на себя функцию поддержания гражданского мира, «предотвращения беспорядков, порождаемых столкновением соперничающих интересов».¹⁶ Лишь небольшое и малокультурное общество, писал Юм, «может быть поддерживаемо без правительства».¹⁷ Шотландские просветители отвергали теорию договорного происхождения политической власти. По их мнению, правительство возникло не столько из согласия народа, сколько из его молчаливого подчинения. «Очевидно, что никакого договора или соглашения об общем подчинении не было заключено специально, эта мысль была вне сферы понимания дикарей».¹⁸

Повиновение правительству основывается, следовательно, не на соблюдении «общественного договора», а вытекает из привычки и необходимости, которая просто не оставляет подданным никакого другого выбора. «Если спросят о причине того повиновения, которое мы обязаны оказывать правительству, я охотно отвечу, — писал Юм в одном из своих политических эссе, — что причина в том, что в противном случае общество не могло бы существовать».¹⁹

Расслоение общества на правящих и управляемых «моральные философы» интерпретировали как еще один шаг на пути разделения труда. Общество возлагает на своих правителей выполнение определенных функций, без которых оно уже не может существовать. Таковы задачи национальной обороны, поддержания внутреннего порядка и обеспечения экономического процветания. Они требуют внимания «со стороны любого правительства, независимо от его формы... Если ими пренебрегают, то следует опасаться, что... само общество не сможет далее существовать».²⁰

Многообразие форм государственного устройства шотландские просветители объясняли многообразием условий существования различных народов. Это и географическое положение, и численность населения, и уровень развития ремесел. Однако главным детерминантом политического строя они считали то или иное распределение собственности. По мнению У.Робертсона, «исследовав состояние собственности в любом отдельно взятом периоде, мы можем с точностью определить ту степень власти, которой располагали король или знать».²¹ Не все «моральные философы» столь прямолинейно трактовали эту каузальную зависимость. Признавая собственность действительно определяющим фактором, многие из них вместе с тем указывали, что политические институты обладают определенной самостоятельностью развития и не меняются автоматически вслед за изменениями собственности. Так, по мнению Юма, «какая-либо система правления может существовать в течение нескольких столетий, хотя соотношения власти и собственности не совпадают. Это происходит главным образом там, где какое-либо сословие или прослойка... приобрели большую долю собственности, но в соответствии с первоначальным устройством системы правления не участвуют в управлении... там, где первоначальное устройство допускает какую-либо, пусть незначительную, долю участия в управлении... какого-либо сословия людей, владеющих большой долей собственности, им легко постепенно расширить свою власть и добиться, чтобы соотношение власти совпадало с соотношением собственности. Так произошло с палатой общин в Англии».²²

Убедительная критика рационалистического взгляда на социально-политические проблемы, утверждение закономерного, естественно-исторического характера развития общества и элементы материалистического его понимания — все эти безусловные достижения были связаны с ориентацией шотландских просветителей не на размышления о том, каким должно быть человеческое общество и сам человек, а на исследование того, каковы они есть в действительности. В идейно-политическом плане это вело к отказу от резкого социального критицизма французских просветителей, которые обычно прибегали к противопоставлению «общества» «природе», а затем доказывали, что первое противоречит второму. Эти бросающиеся в глаза различия были, на наш взгляд, обусловлены особенностями социально-политической ситуации Великобритании. Англия уже имела свою «славную революцию», в результате которой политические институты стали обеспечивать определенный доступ к власти и некоторое влияние на решение государственных дел группам торгово-финансовой и зародившейся промышленной буржуазии. Существовавшее общество представлялось британским мыслителям вполне естественным и в то же время являющим собой высшую ступень общественного прогресса. Их умонастроение хорошо выразил А.Фергюсон: «Если нас спросят, где искать естественное состояние, мы можем ответить — здесь. Если дворец неестественен, то ничуть не естественнее и хижина».²³

Существенное влияние на формирование такого взгляда оказала, конечно, и сильная интеллектуальная традиция эмпиризма. Благодаря ей у «моральных философов» сложился сам метод исследования, который можно охарактеризовать как ранний вариант буржуазного историзма.

- 1 См.: Szacki J. History of sociological thought. London, 1979.
- 2 Ferguson A. An essay on the history of civil society. 6th. ed. London. 1793. P.3.
- 3 Ibid. P.6
- 4 Bryson G. Man and society: the Scottish inquiry of the 18 century New York, 1968. P.60.
- 5 Цит. По: Szacki J. Op.cit. P.30.
- 6 Robertson W. History of America London, 1777. P. 130.
- 7 Ibid.
- 8 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1935. Т.2. С.32.
- 9 Ferguson A. Op.cit. P.205.
- 10 Robertson W. Op.cit. P.104.
- 11 Ferguson A. Op.cit. P.136.
- 12 Ibid. P.315.
- 13 Ibid
- 14 Ibid. P.302
- 15 Руссо Ж.-Ж. Трактаты М, 1969. С.13.
- 16 Цит. по: Meek R. The Scottish contribution to Marxist sociology. London, 1968. P.40.
- 17 Юм Д. Соч. В 2 т. М., 1965. Т.2. С.775.
- 18 Там же. С.762.
- 19 Там же С.776.
- 20 Ferguson A. Op.cit. P.226.
- 21 Robertson W. Op.cit. P.222.
- 22 Юм Д. Указ.соч. Т.2. С.591.
- 23 Ferguson A. Op.cit. P.12.

О. А. Леонидова, Т. Н. Иванова (Канаш, Чебоксары)

П. Н. АРДАШЕВ: МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Научные труды Павла Николаевича Ардашева, известного специалиста по истории Франции XVIII в., не получили должного освещения в советской историографии. Советские историки, за исключением написанных в 20-х годах с идеалистических позиций исследований Н.И.Кареева и В.П.Бузескула, ограничивались кратким упоминанием об Ардашеве как ученике В.И.Герье, стоявшем «на крайне правом фланге русской историографии новой истории»¹. Даже в биографических данных об Ардашеве, приводимых в Большой Советской и Советской Исторической энциклопедиях, имеются пробелы и неточности.

Однако в последние годы отмечается оживление интереса к творчеству Ардашева со стороны советских и французских исследователей, специалистов по истории Франции XVIII в.², поэтому необходимо восстановить основные вехи жизненного пути Ардашева и дать хотя бы краткий анализ научного наследия ученого.

П.Н.Ардашев родился 22 ноября 1865 г. в селе Биляр Елабужского уезда Вятской губернии. «Первоначальное образование получил дома, — писал позже Ардашев, — под руководством своего отца, приходского священника местной церкви и деда, псаломщика при той же церкви».³ В 11 лет Ардашева отдают в духовное училище ближайшего уездного города Елабуги, по окончании которого в 1880 г. он поступает в духовную семинарию в г.Уфа.

Под влиянием примера старшего брата Николая (позже известного архивиста), оставившего семинарию и поступившего в Московский университет, у Павла появляется интерес к университетскому образованию. И в 1883 г. он покидает семинарию, после годичной подготовки поступает в Уфимскую классическую гимназию, а в 1885 г. становится студентом историко-филологического факультета Московского университета. Здесь он слушает лекции по всеобщей истории у проф. В.И.Герье, П.Г.Виноградова и М.С.Корелина, по русской истории — у проф. В.О.Ключевского и П.Н.Милюкова, по классической филологии — у проф. Ф.Е.Корша, Г.А.Иванова и А.Н.Шварца, по философии и психологии — у проф. М.М.Лопатина и С.Н.Трубецкого. Наибольшее воздействие на Ардашева оказали лекции В.О.Ключевского, В.И.Герье и П.Г.Виноградова.

В.О.Ключевский вел занятия по общему курсу русской истории, а также источниковедению и историографии. Художественные качества лекций Ключевского, его блестящие способности к источниковедческому анализу произвели большое впечатление на П.Н.Ардашева.

П.Г.Виноградов, известный специалист по социально-экономической истории средневековья, в годы студенчества Ардашева испытывал особый интерес к новой истории. В 1886/87 учебном году Виноградов читал специальный курс по истории французской революции, а в 1887/88 г. — истории XIX в. Идеи конституционного развития, которым Виноградов придавал особое значение, оказали большое влияние на формирование взглядов, а его лекционный курс по французской революции оказал воздействие на определение будущей научной специальности Ардашева. Виноградов заметил способного студента. Позже, организовав издание «Книги для чтения по истории средних веков», Виноградов привлек Ардашева к написанию статей о Цезарии Гейстербахском, Базельском соборе.⁴

Определяющее влияние на формирование научного мировоззрения Ардашева оказал В.И.Герье, один из ведущих в то время специалистов по новой истории Франции. В течение всей учебы в университете начинающий ученый занимался в историческом семинаре Герье. Под его руководством Ардашев написал студенческое сочинение «Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря», удостоенное в 1887 г. золотой медали, а позже вышедшее отдельным изданием.⁵

Ардашев не случайно называл себя «герьевским учеником»: именно Герье в 1889 г. оставляет его при университете для подготовки к профессорскому званию. Он же был и руководителем магистерской диссертации Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка». Можно отметить близость теоретико-методологических взглядов Ардашева и Герье, сходство в тематике научных трудов и методике исследований. Тесные связи между учителем и учеником продолжались до смерти Герье.⁶

С 1889 по 1894 г. Ардашев готовится к магистерскому экзамену, который успешно сдает в 1894 г., и собирает материал для диссертации, зарабатывая на жизнь домашними уроками. В это время им публикуется большое количество научных статей.⁷

Анализируя эти небольшие произведения, можно охарактеризовать теоретико-методологические взгляды начинающего ученого как смешение элементов различных философских систем.

Исторический процесс, по Ардашеву, «есть некоторое поступательное движение, прогресс».⁸ Но ученый связывал прогресс с идеей эволюции и «органического развития» общества. Основополагающим фактором развития являются идеи, которые, проникая в сознание и чувства людей, определяют их поступки и действия и служат прогрессу.⁹ Критикуя позитивизм Бокля, Ардашев восстает против того, чтобы к истории «приложить целиком и без всяких оговорок метод естественных наук».¹⁰

Ардашев одобрительно относится к поискам исторических законов, ибо «история возможна как наука, потому что существует сходство как между отдельными индивидуумами, так и между отдельными индивидуальными поступками».¹¹ По мнению Ардашева, материальная сторона человеческого бытия не входит в содержание исторического процесса, а целиком сводится к некоторым системам человеческих поступков, подчиненных психологической закономерности. Однако поиски исторических законов «МОГУТ рассчитывать на успех, лишь когда история и психология подадут друг другу руки».¹² В этих поисках, считает Ардашев, следует отталкиваться «от понятия личности как единственно реального исторического атома и единственной реальной психологической единицы и отдельных человеческих действий как первичных элементов исторического движения».¹³

В 1904 г. Ардашев утверждал, что историческая закономерность подлежит «исследованию естественных наук в широком смысле и психологии, для истории здесь нет места».¹⁴ Ардашев приходит к выводу: для того чтобы истории стать наукой, необходимо, чтобы она была «одушевлена идеей, объединена системой, руководимой определенным методом».¹⁵

Таким образом, теоретико-методологическое мировоззрение Ардашева в этот период покоилось на идеалистическом толковании исторического процесса. Позитивистские идеи прогресса, эволюции и «органического развития» переплетались у Ардашева с психологизмом и субъективизмом, близким к иррационалистическим теориям «философии жизни».

В 1896 г. для завершения сбора материалов магистерской диссертации Ардашев был послан в научную командировку во Францию. Там он с необыкновенным упорством изучает разнообразные документы о провинциальной администрации в Национальном архиве и в рукописном отделении Национальной библиотеки в Париже, а также в департаментских архивах Шалона, Дижона, Мерсея, Тулузы, Монпелье и др.¹⁶

На несколько месяцев он отправляется в Англию, где, работая в Британском музее, обрабатывает собранные во французских архивах материалы. Результатом его научных изысканий стал труд о провинциальных интендантах во Франции в последнюю пору старого порядка (1774—1789), благодаря которому Ардашев становится известным не только в научных кругах России, но и за рубежом. Здесь же он попутно дает уроки русского языка сиамскому принцу Чакрабону (Чакраболу).¹⁷

В 1898 г., возвратившись из-за Гранины, ученый прочитал две пробные лекции в Петербургском университете. С января 1899 г. по протекции Герье Ардашев становится приват-доцентом Новороссийского университета, где в течение шести семестров читает общие и специальные курсы по древней и новой истории.

В 1900 г. выходит в свет I том «Провинциальной администрации во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789». 19 февраля 1901 г. состоялась защита его магистерской диссертации, которая прошла успешно, и ему была присуждена искомая степень.¹⁸ Тогда же он начинает работать в Юрьевском университете. В течение трех семестров, с августа 1901 г. по декабрь 1902 г., Ардашев здесь читал курсы по истории Западной Европы в новое время, по истории Франции XVII и XVIII вв., по истории французской литературы и римской истории. Кроме того, он вел практические занятия по новой истории.

В 1903 г. Ардашев переходит на работу в Киевский университет, с которым связывает судьбу вплоть до революции 1917 г. Здесь Ардашев читает лекции и спецкурс по новой истории, ведет практические занятия по всеобщей истории, на которых студенты изучали источники по истории гуманизма и реформации, читали в подлиннике источники по истории Франции XVII—XVIII вв. с комментариями преподавателя, обсуждали письменные доклады.¹⁹ В созданном им по примеру своих учителей семинаре по изучению наказов в Генеральные штаты 1789 г. ученики Ардашева делают заметные успехи. Под руководством Ардашева издается ряд работ по данной теме.²⁰

При Киевском университете существовало историко-филологическое отделение Высших женских курсов, на которых вел занятия и Ардашев. В 1913 г. под его редакцией выходит в свет коллективный труд слушательниц этих курсов «Критико-библиографический обзор учебной литературы по истории на русском языке с 1890 по 1912 гг. Учебники по русской истории». Главная задача редактора данной работы Ардашева — «дать систематическую сводку рецензий, относящихся к учебной исторической литературе и помещенных в главных педагогических и общелитературных журналах за последние два десятка лет»²¹, была выполнена.

Другим коллективным трудом под руководством Ардашева стала «Хрестоматия по всеобщей истории». Новая история в ней представлена в отрывках из источников. Данный труд состоит из 2 частей: 1-я часть — эпоха гуманизма и реформации — вышла в свет в 1914 г., а 2-я часть, охватывающая эпоху абсолютизма и революции, — в 1915 г. В 1916 г. опубликовано второе сокращенное издание «Хрестоматии...», объединяющее собой 1-ю и 2-ю части первого издания.²²

Характеризуя деятельность Ардашева по изданию учебных и методических пособий и хрестоматий для средней и высшей школы, нельзя оставить без внимания его наиболее обширный труд в этой области, которым является учебник по новой истории для университета под названием «Дополнение к лекциям по всемирной истории проф. М.Н.Петрова. История Западной Европы в новое время (от Конвента до наших дней)» (1910). Эта книга получила известность как богатым фактическим материалом, так и тенденциозностью содержащихся в ней выводов о Великой французской революции.

Большой активностью в это время отличается и общественно-политическая жизнь ученого. Он является членом Киевского клуба русских националистов²³, принимает участие в съезде профессоров, который состоялся в Петербурге в декабре 1910 г.²⁴. Летом 1908 г. Ардашев принимал участие в работе съезда историков в Берлине²⁵, а в 1913 г. — в международном историческом конгрессе в Лондоне.²⁶

Период с 1900 по 1917 г. был наиболее плодотворным в жизни Ардашева. Об этом свидетельствуют и его работы, выходящие в свет в это время, большинство из которых посвящено истории Франции XVIII в.: «Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией» (1905), «Конец Лангедокского интенданства» (1914), «Провинциальные интенданты и штаты во Франции в конце старого порядка» (1914) и др. В 1906 г. Ардашев защищает докторскую диссертацию, итогом которой стал выход в свет 2-го тома «Провинциальной администрации во Франции в последнюю пору старого порядка». Названные работы составляют наиболее значительную часть наследия Ардашева.

Другая группа произведений Ардашева — это работы обобщающего характера, касающиеся особенностей европейской истории нового времени: «Абсолютная монархия на Западе» (1902), «Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития» (1911).

Третью группу научных трудов Ардашева составляют историографические очерки и рецензии на работы А.Токвиля, И.Тэна, А.Олара, А.Ону и др.²⁷

Исходя из скудных сведений об общественно-политических взглядах Ардашева, можно сказать, что, считая идеальным государственным устройством конституционную монархию, он вполне был удовлетворен режимом, установившемся в России после революции 1905—1907 гг. Дальнейший прогресс общества он связывал с постепенным подъемом материальной и духовной «общечеловеческой культуры». Ардашев враждебно относился к марксизму и революционному движению²⁸, превозносил столыпинский режим.²⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция была воспринята историком как крушение его научных и жизненных идеалов.

О послереволюционной деятельности Ардашева известно крайне мало. Мы располагаем лишь некоторыми биографическими сведениями о последних годах его жизни. В 1921—1923 гг. он работает в Симферопольском университете.

Об этом упоминает Большая Советская Энциклопедия.³⁰ Но в энциклопедии нет точной даты смерти историка. В Советской Исторической Энциклопедии указывается дата смерти Ардашева — 1922 г.³¹ Основанием для этого, по-видимому, было свидетельство Бузескула.³²

Занявшись исследованием последних лет жизни историка, мы пришли к выводу, что более точной датой является 1924 г. В рукописном отделе Пушкинского дома сохранилось письмо родственницы Ардашева — Ю.Л.Стритт (Ардашевой) к преподавателю Краснодарского высшего педагогического института И.М.Гутьяру. Из этого письма мы узнаем некоторые подробности последних лет жизни П.Н.Ардашева. В конце 1923 г. он переходит на работу из Симферопольского университета в Витебский пединститут. Не проработав там и полгода, он «скончался в июне 1924 г.»³³

Таким образом, в жизни Ардашева можно выделить период формирования научного мировоззрения (1865—1900), дореволюционный период — время расцвета его творческой деятельности (1900—1917) и кризисный период (1917—1924), связанный с поисками своего места в новом, социалистическом обществе.

Работы Ардашева 1900—1917 гг. являются основой для характеристики его взглядов на новую историю. Всеобщую историю Ардашев определял как «науку о человечестве в его последовательном общественном развитии» или науку «о развитии человеческой общественности во всех ее многообразных проявлениях — в сфере политической, правовой, экономической, социальной и культурной».³⁴ Под общественным развитием ученый подразумевал «последовательный переход одних форм общественности в другие». При этом Ардашев неоднократно подчеркивал постепенность общественных преобразований: «Во всяком сложном культурно-общественном явлении периоду зрелости всегда предшествует более или менее продолжительный период зарождения, роста и более или менее быстрого или медленного созревания».³⁵ К формам общественности он относил естественные (семья, род, племя, народ) и искусственные (государство, церковь, партии и т.д.) союзы. Общественные отношения, в свою очередь, подразделялись Ардашевым на политические, правовые, экономические, социальные и культурные.³⁶ При этом ни один тип отношений, по его мнению, не играет продолжительной доминирующей роли. Роль того или иного типа отношений определяется «центром тяжести исторического развития», который перемещается в зависимости от места и времени. Ардашев пишет по этому поводу: «Экономические отношения в известной стране в известную эпоху могут играть сравнительно более важную роль в общем ходе общественного развития, чем в иную эпоху и в иной стране».³⁷

Такая, близкая к позитивистской теории факторов трактовка исторического процесса не всегда, однако, прослеживается в работах Ардашева. Основной акцент ученый делает на исследовании политической истории и лишь изредка обращается к экономическим факторам, например, при описании разложения феодального строя. Феодализм, по Ардашеву, — это «дробление государственного верховенства» и «соединение крупного землевладения с мелким хозяйством, осложненное юридической зависимостью массы населения».³⁸ В отсутствие государства «со строгим единством власти» феодализм опирался на идеал космополитизма, подсказанный церковью. Привилегированные сословия вследствие «политического преобладания» имели «значительные, чисто материальные выгоды».³⁹

Однако с развитием городов происходит разложение феодального строя. Возникновение «менового» или «денежного» хозяйства подрывало экономическую основу феодализма — натуральное поместное хозяйство.⁴⁰ Развитие промышленности притягивает к городам деревенское население, которое высвобождается из крепостной зависимости. Созданный городом новый класс — денежная буржуазия, все более и более заслоняющая феодальную аристократию, ратует за возрождение римского государственного права. Образуются города-республики и города-монархии.

Дальнейшее разложение феодализма Ардашев связывает и с гуманизмом, «широким умственным движением», знаменующим «возрождение классической древности», имеющим светский характер «в противоположность характеру средневековой образованности».⁴¹ Одним из достоинств нового течения Ардашев считает культивирование личного индивидуализма⁴², который дал толчок к развитию интереса к общественной жизни и «духу общности». Связывая расцвет гуманизма с упадком феодальных форм, Ардашев отмечает, что он возник «первоначально в Италии, где ранее чем где-либо рушился феодальный строй».⁴³

Гуманизм, предшествуя движению Реформации, подготовил и «отчасти ускорил последнее», — считает Ардашев. И гуманизм, и Реформация были, по его мнению, двумя родственными идейными движениями, которые «боролись против традиционных авторитетов (Реформация — против авторитета церкви, гуманизм — против авторитета схоластики) и стремились освободить от них человеческую личность, имели характер оппозиционный и освободительный»⁴⁴.

Гуманизм и Реформация, а также великие открытия и изобретения конца XV в. — начала XVI в., по мнению Ардашева, создали условия для новой эры в развитии человечества — эпохи Просвещения.

Говоря об этом периоде развития общества, историк подчеркивает широкое общественное значение литературы Просвещения. Стремясь влиять на общество, она начинает все более и более тяготеть к вопросам общественным, политическим и социальным. Ардашев отмечает, что «если в XVII в. Просвещение является главным образом философией природы и мироздания, то в XVIII в. оно становится преимущественно философией государства и общества»⁴⁵. Однако «просвещенная философия» была проникнута духом космополитизма. Начало новому периоду в развитии Европы положили Великая французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны. Доказывая своим капитальным трудом возможность предотвращения революции, Ардашев признает закономерность Великой французской революции в том, что она «отмечает собой конец века космополитизма и начало тому всеобщему национальному движению, которое охватило всю Европу в эпоху наполеоновских войн»⁴⁶.

По мнению Ардашева, XIX и XX столетия можно назвать эпохой национализма в таком же смысле, как XVIII в. называется эпохой Просвещения, как XVI в. — временем Реформации, как XV в. — эпохой гуманизма. Новое время можно «назвать веком национализма в том смысле, что в эту пору это культурно-общественное явление достигло своей зрелости»⁴⁷, — отмечает он. На примере образования единых национальных государств Италии и Германии ученый утверждает, что в конце XIX в. наступило торжество национализма и конституционализма. По его мнению, «национализм подготавливает почву для общечеловеческой солидарности путем воспитания национального сознания, высокое развитие которого всегда связано с уважением к другим нациям»⁴⁸. Ардашев вносил в понятие общечеловеческой солидарности пацифистский смысл, выступая против теорий о том, что войны способствуют прогрессу. Исторический прогресс он связывал с развитием общечеловеческой культуры.

Ардашев, верно указывая причины разложения феодализма, в основу периодизации нового времени ставил смену идейных течений, забывая о провозглашенной им же необходимости синтеза, различных общественных отношений. Наряду с эволюцией идейных течений ученый пытался проследить и изменение политических форм. Анализируя произведения Ардашева, можно так представить эти изменения. При феодализме государственные образования существовали в форме «феодальных» и позже — сословных монархий.⁴⁹ В эпоху Гуманизма возникают города-республики и города-монархии. На почве возрождавшихся традиций римского права выросла идея абсолютизма. Абсолютная монархия как форма государства, господствовавшая во многих странах Европы в XV—XVIII вв., является, по мнению Ардашева, следствием упадка феодализма и представляет собой как бы переходную форму к новому строю, возникшему на базе идей конституционализма и национализма уже после Великой французской революций.

Такая трактовка исторического развития Европы в новое время находит свое яркое воплощение в конкретно-исторических работах Ардашева по истории Франции. Остановимся подробнее на анализе самой известной его работы «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789». Первые главы ее печатались в «Журнале министерства народного просвещения» за 1898—1900 гг.⁵⁰ I том исследования был магистерской, а II — докторской диссертацией Ардашева. Данный труд удостоен Московским университетом премии имени С.М.Соловьева и Императорской Академией наук премии митрополита Макария, а также включен Министерством народного просвещения в число пособий для преподавателей истории в мужских гимназиях.

В 1909 г. II том «Провинциальной администрации...» переводится на французский язык. По словам А.М.Ону, данный труд стал событием во всемирной литературе.⁵¹ К подобному выводу приходит и В.П.Бузескул, считая, что «по полноте и широте исследования, по документальности и массе нового «Провинциальные интенданты» П.Н.Ардашева не имели себе равного труда даже во французской литературе».⁵²

Н.И.Кареев приводит слова французского ученого Р.Дареста, который писал о работе Ардашева: «Это самый полный труд, какой только был издан о данном предмете и за который мы, французы, должны быть благодарны автору».⁵³

Отдельная глава труда Ардашева посвящена анализу источников. Он очень детально разбирает административную переписку, протоколы национального собрания, административные акты, дает характеристику различным периодическим изданиям кануна Великой французской революции — ежегодникам («Королевский альманах», провинциальные, специальные, а именно: судебный, военный, морской и колониальный)⁵⁴ и газетам, разбирает источники литературного характера — мемуары, трактаты, брошюры, памфлеты.

Из всей массы данного материала Ардашев на первое место выдвигает административную переписку того времени. «Как по чистоте и правдивости, так равно и по богатству и разносторонности своего содержания»⁵⁵ Ардашев считал этот вид источника лучшим. Вряд ли можно полностью согласиться с такой трактовкой этого источника. Авторами его являлись сами интенданты, контролеры и т.д. Характеризуя положение в провинции, интендант подходил к данному вопросу с желательных ему позиций, часто представляя себя в приукрашенном виде перед генеральным контролером. «Едва ли к нему можно относиться без предварительной критики», — отмечает Бузескул.⁵⁶ Тем не менее нельзя отрицать того, что административная переписка дает богатый материал для верного и точного воспроизведения картины предреволюционной Франции, если подойти к нему критически, чего часто не хватает Ардашеву. В качестве источника историк использует и указы, но, как справедливо указывал Кареев, они имели для Ардашева «второстепенное значение».⁵⁷

Кроме административной переписки Ардашев использовал в своей работе серию документов о судебных процессах, над некоторыми из последних интендантов, которые предстали перед парижским революционным трибуналом. Ардашев изучил бумаги отдельных провинциальных штатов, существовавших в последнюю пору старого порядка. Дореволюционной прессе ученый не придавал большого значения так же, как и мемуарной литературе. Большой интерес представляли для историка публицистические брошюры, памфлеты и т.д. Таким образом, мы видим, что ученый использовал большое количество самых разнообразных источников, что делает работу Ардашева интересной и для современных исследователей.

В I томе Ардашев рассматривает интендантство как «учреждение», во II томе он пишет о «людях», «которые воплощали в конкретной действительности это учреждение».⁵⁸ По замыслу автора, «Провинциальная администрация...» должна была состоять из трех частей. Однако III том, который он предположительно назвал «События», так и не был издан.

Главную цель своей работы Ардашев видел в изучении провинциальной администрации накануне Великой французской революции. В I томе «Провинциальной администрации...» ученый рассматривает происхождение интендантов, отношение их к другим учреждениям королевской Франции.

Говоря о происхождении интендантов, историк отсылает нас к 1355 г., когда генеральными штатами было организовано финансовое управление, так называемые «выборные», унаследовавшие свои полномочия от сенешалов — агентов-управителей короля-сеньора. Это учреждение «выборных» и явилось тем зародышем, из которого в последующем развилась провинциальная администрация во Франции.⁵⁹ Достоинством исследования Ардашева является попытка разрешить вопросы административных отношений старого порядка, весьма разноречиво излагаемые его предшественниками. Он четко определяет функции губернатора, генерал-лейтенанта и главнокомандующего в провинции. Основную роль в центральной администрации Ардашев отводит не королевскому совету, как считалось раньше, а генеральному контролеру финансов, «который является настоящим хозяином администрации как в центре, так и в провинции, где роль правительственного органа принадлежит его ставленнику — интенданту».⁶⁰

На основе документального материала ученый доказывает, что основным административным делением предреволюционной Франции следует считать интендантства, а не генеральства. Тем самым он делает существенную поправку в общепринятое представление по данному вопросу.

В I томе Ардашев рисует ясную картину централизации Франции, разъясняет происхождение интендантов и их отношение к другим учреждениям королевской Франции. Всё это подкрепляется убедительным документальным материалом. Во II томе мы чаще замечаем субъективность его оценок, которая не всегда может быть доказана документально. Так, в главе «Интенданты и провинция» Ардашев, выводя из нескольких частных примеров общие закономерности, представляет нам администрацию в идеализированном виде.⁶¹

Рассматривая роль интендантов в социально-политической жизни страны, ученый приводит огромное количество самых разнообразных данных, тем самым он наряду с социально-политической характеристикой дает нам представление и об экономическом и культурном состоянии предреволюционной Франции XVIII в. Интересны основанные на документах доказательства о перерождении дворянства в социально-политическом плане, об образовании «государственного дворянства», сближающегося с буржуазией, что подтверждается новейшими исследованиями.⁶²

Ученый выделяет период 1774—1789 гг. в особую, «реформационную эпоху старого порядка».⁶³ Он считает, что «законы были все те же, но не те порядки, те же учреждения, да люди другие», воспитанные на идеях Просвещения.⁶⁴ Необходимость реформ остро ощущалась во Франции перед революцией, доказывает он, но они проводились в провинциях исподволь, медленно и зачастую независимо от центральной власти. В параллель «с эпохой просвещенного абсолютизма в других странах тогдашней Европы» Ардашев ставит период 1774—1789 гг., названный им эпохой «просвещенной администрации во Франции».⁶⁵ Идеи Просвещения, по мнению Ардашева, распространившиеся в умах людей, привели к перерождению провинциальной политики, способствовали развитию реформационных стремлений местной администрации, которая стала «одним из наиболее деятельных факторов культурного прогресса страны». Приводя реальные биографии ряда интендантов, Ардашев явно идеализирует их, перенося эту идеализацию на всех интендантов, которые предстают у него «врагами злоупотреблений», поборниками «равенства и свободы».⁶⁶ Одной из причин этого, на наш взгляд, является не критическое отношение к данным, приводимым в административной переписке.

По ряду частных вопросов, касающихся степени административной централизации старого порядка, характера административной опеки, Ардашев вступает в полемику с Токвилем. Однако в целом общие выводы Ардашева вполне согласуются с концепцией Токвиля.

«Не все, что писали и что пишут после Токвиля о старом порядке, цитируют Токвиля, но все, так или иначе, пишут по Токвилю», — замечает Ардашев.⁶⁷ Высоко оценивая книгу французского историка и трактуя причины революции «по Токвилю», Ардашев пишет о нем специальный историографический очерк.⁶⁸

В дальнейших работах историк обращается к непосредственному изучению событий Великой французской революции. Идея преемственности старого порядка с новым строем по-прежнему занимает большое место в его работах. «В истории царствования Людовика XIV — ключ к историческому уразумению Великой французской революции»⁶⁹, — пишет он. Созыв Генеральных Штатов в 1789 г., по мнению историка, «открывал путь к мирному осуществлению назревших реформ». Даже начавшись, революция должна была закончиться принятием конституции 1791 г., так как «Людовик XVI искренне примирился с ограничением своей власти».⁷⁰ В изложении якобинского периода революции он вполне солидарен с реакционными взглядами И.Тэна. Трактовка Ардашевым дальнейших событий революции проникнута стремлением изобразить ее как дело рук узкого круга «властолюбцев» (то есть якобинцев), очернить те акты революции, которые были приняты в интересах народа. Так, Ардашев полностью отрицает значение законодательных актов Конвента, упорно видя в дальнейшем ходе революции лишь действия, инспирированные «якобинскими агитаторами».⁷¹ Восстание 31 мая—2 июня он называет «торжеством уличной толпы над национальным представительством».⁷² Вполне в духе Тэна Ардашев утверждает, «что якобинцы и жирондисты были не столько партиями в современном смысле слова, сколько психологическими типами», и не предпринимает никаких попыток связать эти партии с интересами определенных классов. Ардашев фактически доходит до полного отрицания значения якобинского этапа революции. Закономерным было его выступление в защиту И.Тэна после выхода в свет книги Олара о Тэне.⁷³

Анализируя работы Ардашева по истории Франции XVIII в., надо отметить, что основное внимание ученого привлекало не столько исследование Великой французской революции, сколько предшествовавшего ей события. В целом концепция французской истории Ардашева была лишь продолжением идей Токвиля о постепенной эволюции старого порядка, о преемственности его и нового строя. Однако, благодаря использованию широкого круга источников, Ардашеву удалось дополнить и уточнить выводы Токвиля. Поэтому самыми ценными в творческом наследии Ардашева являются его труд о провинциальной администрации в эпоху старого порядка и примыкающие к этому труду статьи.

Анализ общей концепции новой истории Ардашева представляет интерес как дополнение к более полной оценке развития русской историографии новой истории в начале XX в. Эта концепция основывалась на смешении элементов различных философских систем и поэтому не могла привести к верной оценке исторических событий. Но лучшие произведения Ардашева и его плодотворная педагогическая деятельность сыграли определенную роль в становлении русской исторической науки и заслуживают дальнейшего, более подробного изучения в советской историографии.

1 Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В.Нечкиной и др. М., 1963. Т.3. С.486—487; также см.: Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч.2; Кареев Н.И. Историки французской революции. Л., 1925. Т.3: Изучение французской революции вне Франции. С.203—209; Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974. С. 256; Далин В.М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981; Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М., 1976; Его же. Вопросы исторической теории в работах М.С.Корелина. М., 1984.

2 Лебедева Е.И. Кризис «верхов» накануне Великой французской буржуазной революции конца XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; Emmanuelli F.-X. Pouvoir royal et vie regionale en Provence au declin de La monarchie. Psychologie, pratiques adm. de francisation de L'intendance d'Aix. 1745—1790. These Lille 1974. Т.1—2.

- 3 Ардашев Павел Николаевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования / Под ред Г.В.Левицкого Юрьев, 1903. Т.1. С.401.
- 4 См.: Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П.Г.Виноградова. М., 1896—1899. Вып.1—4.
- 5 Ардашев П.Н. Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря. М., 1890.
- 6 Письма П.Н.Ардашева к В.И.Герье. 1890—1915 // ОР ГБЛ. ф.70, п.36. ед.хр.47—49.
- 7 Список публикаций П.Н.Ардашева за 1891—1896 гг. См: Павел Николаевич Ардашев // Венгеров С.А Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Спб., 1897—1901. Т.6. С.354—357.
- 8 Ардашев П.Н. История как наука // Русское богатство. 1886. № 4. С.16.
- 9 Ардашев П.Н. Философия войны (по поводу одной статьи Вл.Соловьева) // Русское богатство 1895. № 10. С.20.
- 10 Ардашев П.Н. История как наука // Русское богатство. 1886. № 4. С.5.
- 11 Там же.
- 12 Ардашев П.Н. Психология в истории (Новейшая попытка психологическому обоснованию истории) // Вопросы истории. 1895. Кн.28. С.311.
- 13 Там же. С.312.
- 14 Ардашев П.Н. О прогрессе в исторической науке. Киев, 1904. С.17.
- 15 Ардашев П.Н. История как наука // Русское богатство. 1886. № 4. С.24.
- 16 Павел Николаевич Ардашев // Венгеров С.А. Указ.соч. Т.6. С.352.
- 17 ОР ГБЛ, ф.70, п.36, ед.хр.48, л.1—3,
- 18 Диспут П.Н. Ардашева. — О защите магистерской диссертации «Провинциальная администрация...» // Исторический вестник. 1901. № 4. С.400—401.
- 19 Личный состав университета св.Владимира к 1 июля 1910 года. Киев, 1891—1910. С.8—9; Обзор преподавания в университете св.Владимира по историко-филологическому факультету... Киев, 1897—1916 18 т.
- 20 Никифоров Н.И., Руткевич Н.П., Евстафьев В.Н. Наказы третьего сословия Аррасского бальяжа в 1789 году. Киев, 1911, Никифоров Н.И. Сеньориальные повинности в наказах третьего сословия Этампского бальяжа в 1789 году Киев, 1912; Петров Д.К. Ликвидация сеньориальных отношений во Франции // Киевские университетские известия, 1915; Григорьева П.К. Суд во Франции при старом порядке по наказам Санского бальяжа. Киев, 1914.
- 21 Критико-библиографический обзор учебной литературы по истории на русском языке с 1890 по 1912 гг. Учебники по русской истории / Под ред. П.Н. Ардашева. Киев, 1913. С.6.
- 22 Ардашев П.Н. Хрестоматия по всеобщей истории Новая истоия в отрывках из источников Ч.1: Эпоха гуманизма и реформации Киев, 1914; Ч.2: Эпоха абсолютизма и революции. Киев, 1915; Он же. Хрестоматия по Новой истории. Новая история в отрывках из источников. Гуманизм, реформация, абсолютная монархия, французская революция. Киев. 1916
- 23 См.: Ардашев П.Н. П.А.Столыпин: Речь на заседании клуба русских националистов в Киеве 2 окт. 1911 г. // Государственная деятельность председателя Совета Министров статс-секретаря П.А.Столыпина. Спб. 1911. Ч.3. С.270—974.
- 24 Ардашев П.Н. // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннот. указат. кн. и публ. в журн.: В 4 т. / Науч. руководство ред. П.А.Зайончковского. М., 1906. Т.4. Ч.1. С.178.
- 25 ОР ГБЛ, ф.70, п.36, ед.хр.49. л.9.
- 26 Ардашев П.Н. Третий международный исторический конгресс в Лондоне. Спб., 1913.
- 27 Ардашев П.Н Токвиль // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 11. Спб. 515, 514; Он же. Ипполит Тэн // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 44, Он же. Несколько слов по поводу книга проф. Олара о Тэне. Киев, 1910; Разбор книги А.Ону: Выборы 1789 г. во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Спб., 1909.
- 28 ОР ГБЛ, ф. 70, п 36, ед хр. 47—49.
- 29 Ардашев П.Н. П.А. Столыпин. Речь на заседании клуба рус. националистов в Киеве 2 окт. 1911 г. // Указ.соч. С.270—274.
- 30 Ардашев Павел Николаевич / БСЭ. Т.2. С.183.

- 31 Вебер Б.Г. Ардашев Павел Николаевич (1835—1922) // СИЭ. М., 1931. Т.1. Спб. 715—717.
- 32 Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1933. Ч.2. С.7.
- 33 Пушкинский дом, рукописный отдел (ИРЛИ). Р1, оп.25, ед.хр.139, л.3.
- 34 Ардашев П.Н. История литературы в ее отношении ко всеобщей истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 31. Спб. 1275, 1279.
- 35 Ардашев П.Н. Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития. Киев, 1911. С.10.
- 38 Ардашев П.Н. История литературы в ее отношении ко всеобщей истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 31. Спб. 1275.
- 37 Там же. Спб. 1279.
- 38 Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. Спб., 1902. С.13.
- 39 Ардашев П.Н. История литературы в ее отношении ко всеобщей истории // Указ.соч. Спб. 1278.
- 40 Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. С.15—17.
- 41 Ардашев П. Н. Курс новой истории для VII кл. мужских гимназий. Киев, 1915. С.1.
- 42 Ардашев П.Н. Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития. Киев, 1911. С.28.
- 43 Ардашев П.Н. Курс новой истории для VII кл. мужских гимназий. С.4.
- 44 Там же. С.93, 94—96.
- 45 Там же. С.150, 151.
- 46 Ардашев П.Н. Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития. С.37, 38.
- 47 Там же. С.10.
- 48 Там же. С.9, 10.
- 49 См. Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. С.5.
- 50 Бузескул В.П. Указ.соч. Ч.2. С.7.
- 51 Ону А.-М. Павел Ардашев. Провинциальная администрация... // Современный мир. 1901. № 5. Отд.2. С.99.
- 52 Бузескул В.П. Указ.соч. Ч.2. С.10—11.
- 53 Цит. по: Кареев Н.И. Историки французской революции. Л., 1925. Т.3 – в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kareev_hist.htm.
- 54 Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка 1774—1789. Спб, 1900. Т.1. С.68, 71. Далее ссылки на эту работу даются с указанием тома: (Ардашев. Т.1. С.1)
- 55 АРДАШЕВ. Т.1. С.51.
- 56 Бузескул В.П. Указ.соч. Ч.2 С.8.
- 57 Кареев Н.И. Указ.соч. Т.3. С.206.
- 58 Ардашев П.Н. Т.1. С.1—3. 69.
- 59 Он же. Т.1. С.137—139.
- 60 Он же. Т.2. С.247,
- 61 Ардашев П.Н. Т.2. С.250—340.
- 62 См.: Лебедева Е.И. Кризис «верхов» накануне Великой французской буржуазной революции конца XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. В нашей библиотеке см. статью: Е.Лебедева. ДВОРЯНСТВО и НАЛОГОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ <http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>
- 63 Ардашев П.Н. Т.1. С.96.
- 64 Он же. Т.1. С.91.

65 Он же. Т.2. С.74.

66 Он же. Т.3. С.75

67 Ардашев П.Н. Т.1. С.12.

68 Ардашев П.Н. Токвиль // Вестник и библиотека самообразования 1903. № 11. Спб. 511—516.

69 Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. С. 177.

70 Ардашев П. Н. Курс новой истории для VII кл. мужских гимназий С.202.

71 Ардашев П.Н. Дополнение к лекциям по всемирной истории проф. М.Н.Петрова. Спб., 1910. Т.5: История Западной Европы в новейшее время (от Конвента до наших дней). С.12

72 Там же. С.27.

73 См.: Ардашев П.Н. Несколько слов по поводу книги проф.Олара о Тэне. Киев, 1910.

См. также:

Николай Иванович Кареев <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#kareev>

Владимир Иванович Герье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#gerie>